

Е Т Ж Х М

Е К А З Ж М

Василий Андреевич Жуковский

Стихи и сказки

*Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит...*

Может быть, вы читали эти стихи. В книге много других стихов и сказок русского поэта Василия Андреевича Жуковского, предшественника Пушкина. Пушкин называл Жуковского «кормилицей русской поэзии».

Содержание

#1	0006
Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)	0006
Стихи	.0016
***	.0017
Сказки	.0032
Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке	.0033
Спящая царевна	.0103
Мальчик с пальчик	.0119
Кот в сапогах	.0122
Война мышей и лягушек (Отрывок)	.0138
Одиссей в пещере циклопа (Из поэмы «Одиссея»)	.0164

СТИХИ И СКАЗКИ

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В.А.ЖУКОВСКИЙ

СТИХИ
и
СКАЗКИ

МОСКВА

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

© 1977

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

Среди стихотворений Пушкина, посвящённых Жуковскому, есть одно, начинающееся такими словами:

*Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую
даль...*

Предсказание Пушкина сбылось. Стихи и сказки Жуковского и сегодня — хотя они написаны около ста пятидесяти лет назад — пленяют и радуют нас. А происходит это потому, что они исполнены светлого чувства любви к людям, к природе, полны действия и написаны лёгким, живым и звучным языком.

Василий Андреевич Жуковский был сыном тульского помещика и пленной турчанки Сальхи, отданной ему в крепостные.

Хотя детство будущего поэта проходило в доме отца, оно не было счастливым. «Я не был оставлен, брошен, имел угол, — вспоминая о ранней поре жизни, писал поэт, — но... не чувствовал ничьей любви». Когда Жуковскому пошёл пятнадцатый год, его поместили в одно из лучших учебных заведений того времени — Московский университетский пансион, который он и закончил с отличием. Его имя «лучшего из лучших учеников» было занесено на мраморную доску в зале пансиона.

По окончании пансиона Жуковский выступил как поэт-переводчик. Переводы Жуковского были сразу же замечены и высоко оце-

нены знатоками литературы. Этот успех вселил в юношу веру в своё поэтическое дарование, и он решил посвятить себя всецело литературным трудам.

Жуковский первый познакомил русских читателей с лучшими произведениями мировой поэзии. Он переводил басни знаменитого французского баснописца Лафонтена, стихи и поэмы немецких и английских поэтов. «Более всего для русской литературы Жуковский сделал как переводчик», — говорил Алексей Максимович Горький. Но наряду с переводами и пересказами из иностранной поэзии у Жуковского были и произведения, рождённые впечатлениями русской жизни.

В 1812 году французский император Наполеон, считавшийся непобедимым полководцем, пошёл войной на Россию. Жуковский вступил в народное ополчение. После Бородинского сражения, положившего начало разгрому наполеоновской армии, он написал стихотворение «Певец во стане русских воинов». В нём поэт славил защитников родной земли и говорил о своей сыновней любви к ней.

Стихотворение это в самое короткое время стало известно всей России.

Вскоре Жуковский переехал из Москвы в Петербург. В сентябре 1815 года состоялось его знакомство с 16-летним Пушкиным, учившимся в ту пору в Лицее — школе для родовитых дворян, помещавшийся в пригороде Петербурга — Царском Селе.

Жуковский сразу понял, каким великим талантом наделён Пушкин.

«Я сделал ещё приятное знакомство с нашим молодым чудотворцем Пушкиным, — писал он в ту же осень поэту Вяземскому. — Я был у него в Саарском Селе[1]. Милое, живое творение. Это надежда нашей словесности... Нам всем необходимо соединиться, чтобы помочь вырасти этому будущему гиганту, который всех нас перерастёт...» Эта встреча двух поэтов, совсем юного и уже прославленного, положила начало их дружбе, которую они сохранили навсегда. Жуковский был не только заботливым старшим другом Пушкина — он был и учителем его в поэзии. Когда же в 1820 году Пушкин прочитал Жуковскому только что законченную свою первую поэму «Руслан

и Людмила», Жуковский подарил ему свой портрет, написав на нём: «Победителю ученику от побеждённого учителя...»

В 1826 году Жуковский совершил заграничное путешествие. В Германии он посетил всемирно прославленного поэта Гёте. Наслышанный о Пушкине, Гёте попросил Жуковского передать Пушкину перо, которым он только что писал. Жуковский охотно передал своему другу этот подарок. Пушкин сделал сафьяновый футляр, на котором было написано «Перо Гёте», и дорожил подарком.

Лето 1831 года Жуковский и Пушкин проводили в Царском Селе. Увлечённый народной поэзией, песнями и сказками, сам уже написавший «Сказку о попе и о работнике его Балде» и «Сказку о медведихе», Пушкин предложил Жуковскому поэтический турнир — состязание на лучший стихотворный пересказ русских сказок. Жуковский охотно принял вызов. В результате этого соревнования Пушкиным была написана «Сказка о царе Салтане», а Жуковским «Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке» и «Сказка про царя Берендея». Работа над сказками очень люби-

лась обоим поэтам. В последующие годы Пушкин пишет ещё несколько сказок. Новые сказки написал и Жуковский.

Жуковский интересовался не только творчеством русского народа, но и творчеством народов Ирана, Индии, Греции. Важнейшим трудом своей жизни он считал выполненный им перевод «Одиссеи» — стихотворной поэмы древнегреческого поэта Гомера. Он не раз выражал мечту о том, чтоб эта поэма, в которой нашли своё отражение представления древних греков о добре и зле, их обычаи и верования, полюбилась бы русским детям. «По-моему, — говорил Жуковский, — нет книги, которая была бы столь прилична первому периоду жизни, как „Одиссея“, возбуждающая все способности души прелестью разнообразною».

Человек разносторонней одарённости и исключительного трудолюбия, Жуковский был не только замечательным поэтом, «гением перевода», по словам Пушкина, но и отличным музыкантом и превосходным рисовальщиком. Он хорошо гравировал на меди и сам иллюстрировал многие свои стихотворе-

ния. В небольшой виньетке к «Певцу во стане русских воинов» Жуковский изобразил своего певца, то есть самого себя, безбородым юношей, в казачьей куртке, стоящим с лирой перед бородачами-товарищами, расположившимися на земле подле сторожевого огня.

Жуковский постоянно работал над отделкой своих переводов и стихов. «Я уверен, что только тот почитает труд тяжёлым, кто не знает его, но именно тот его и любит, кто наиболее обременён им», — говорил он. Под конец жизни, когда поэт ослеп, он продолжал писать ощупью, при помощи изобретённой им машинки.

Жуковский был сердечным и добрым человеком. Используя свои связи с царским двором, он постоянно помогал тем писателям, которых притесняло правительство. Добивается смягчения участи Пушкина — замены грозившей ему ссылки в Соловки высылкой на Юг, — устраивает возвращение из ссылки писателя-революционера Герцена; благодаря его деятельной помощи, великого украинского поэта Тараса Шевченко удалось освободить от крепостной зависимости.

До нас дошло письмо Жуковского к одной из фрейлин двора, в котором он говорит о предстоящем выкупе из крепостной неволи Шевченко. В этом письме он нарисовал себя кувыркающимся от радости.

В память 22 апреля 1838 года — дня, когда Шевченко перестал быть крепостным, — он посвятил Жуковскому свою, поэму «Катерина».

В 1837 году Жуковский совершил вместе с сыном царя, в воспитатели к которому был назначен с 1826 года, путешествие по России. Познакомившись в Сибири с невыносимыми условиями жизни декабристов, сосланных на каторжные работы, он хлопочет о смягчении их участи. Враг угнетения человека человеком, Жуковский ещё в 1822 году отпустил на волю своих крепостных.

Постоянно просивший за всех, кому царь грозил расправой, он в конце концов сам заслужил царскую немилость. Когда, заступаясь перед царём за очередного литератора, он сказал, что ручается за него, царь ему ответил: «А за тебя кто поручится?»

После гибели Пушкина Жуковский напи-

сал письмо шефу жандармов Бенкендорфу, в котором гневно обрушился на него, а с ним вместе и на самого царя и его приближённых за те притеснения, какие они чинили Пушкину на протяжении всей его жизни. Письмо это помогло нам распознать виновников безвременной смерти поэта.

В 1839 году Жуковский подал в отставку, которую царь принял.

Последние годы своей жизни он провёл за границей, где и скончался в возрасте шестидесяти девяти лет.

Хотя Жуковский писал главным образом грустные стихи, писал о печальном, переводя и пересказывая те произведения иностранных поэтов, в которых они с особой силой восставали против неправды, в жизни он все не был грустным, хмурым человеком. Он любил и других повеселить, и сам повеселиться с друзьями: любил и умел ценить острое слово, весёлую шутку. Эта его любовь к остроумному, забавному нашла своё отражение и в ряде его оригинальных стихов, и в пересказанных им сказках. Он особенно ценил способность сказок развивать фантазию, их,

как он говорил, «привлекательность».

Жуковский писал для взрослых, но есть у него и несколько стихотворений, написанных специально для детей — для его маленьких сына и дочки: «Жаворонок», «Птичка летает», «Котик и козлик» и сказочка «Мальчик с пальчик». Тот, кто их хоть раз прочтёт, навсегда запомнит — такие они простые и в то же время музыкальные, поэтические.

Будить в сердцах людей добрые, светлые чувства всегда было заботой Жуковского.

И. Воробьёва

СТИХИ

* * *

* * *

*Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?*

* * *

Там небеса и воды ясны!
Там песни птичек сладкогласны!
    О родина, все дни твои прекрасны!
Где б ни был я, но всё с тобой
    Душой.
Ты помнишь ли, как под горою,
Осеребряемый росой,
    Белелся луч вечернею порою
И тишина слетала в лес
    С небес?
Ты помнишь ли наш пруд спокойный,
И тень от ив в час полдня знойный,
    И над водой от стада гул
нестройный,
И в лоне вод, как сквозь стекло,
    Село?
Там на заре пичужка пела;
Даль озарялась и светлела;
    Туда, туда душа моя летела:
Казалось сердцу и очам —
    Всё там!..

Птичка

Птичка летает,
Птичка играет,

*Птичка поёт;
Птичка летала,
Птичка играла,
Птички уж нет!
Где же ты, птичка?
Где ты, певичка?
В дальнем краю
Гнёздышко вьёшь ты;
Там и поёшь ты
Песню свою.*

Жаворонок

*На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.*

*Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны.*

Котик и козлик

*Там котик усатый
По садику бродит,
А козлик рогатый
За котиком ходит;
И лапочкой котик*

*Помадит свой ротик;
А козлик седую
Трясёт бородою.*

Летний вечер

*Знать, солнышко утомлено:
За горы прячется оно;
Луч погашает за лучом
И, алым тонким облачком
Задёрнув лик усталый свой,
Уйти готово на покой.*

*Пора ему и отдохнуть;
Мы знаем, летний долог путь.
Везде ж работа: на горах,
В долинах, в рощах и лугах;
Того согрей; тем свету дай
И всех притом благословляй.*

*Буди заснувшие цветы
И им расписывай листы;
Потом медвяною росой
Пчелу-работницу напой
И чистых капель меж листов
Оставь про резвых мотыльков.*

*Зерну скорлупку расколи
И молодую из земли*

Былинку выведи на свет;
Пичужкам приготовь обед;
Тех приюти между ветвей,
А тех на гнёздышке согрей.

И вишням дай румяный цвет,
Не забудь горячий свет
Рассыпать на зелёный сад,
И золотистый виноград
От зноя листьями прикрыть,
И колос зрелостью налить.

А если жар для стад жесток,
Смани их к роще в холодок;
И тучку тёмную скопи,
И травку влагой окропи,
И яркой радугой с небес
Сойди на тёмный луг и лес.

А где под острою косою
Трава ложится полосой,
Туда безоблачно сияй
И сено в копны собирай,
Чтоб к ночи луг от них пестрел
И с ними ряд возов скрипел.

Итак, совсем не мудрено,
Что разгорелось оно,

Что отдыхает на горах
В полупотухнувших лучах
И нам, сходя за небосклон,
В прохладе шепчет: «Добрый сон!»

Загадки

Не человеческими руками
Жемчужный разноцветный
мост
Из вод построен над водами.
Чудесный вид! огромный рост!
Раскинув паруса шумящи,
Не раз корабль под ним про-
плыл;
Но на хребет его блестящий
Ещё никто не восходил.
Идёшь к нему — он прочь стре-
мится
И в то же время недвижим;
С своим потоком он рождается
И вместе исчезает с ним.

(Радуга)

На пажити необозримой,
Не убавляясь никогда,
Скитаются неисчислимо
Сереброрунные стада.
В рожок серебряный играет

Пастух, приставленный к стадам:
Он их в золотую дверь впускает
И счёт ведёт им по ночам.
И, недочёта им не зная,
Пасёт он их давно, давно,
Стада поит вода живая,
И умирать им не дано.
Они одной дорогой бродят
Под стражей пастырской руки,
И юноши их там находят,
Где находили старики;
У них есть вождь — Овен прекрасный,
Их сторожит огромный Пес,
Есть Лев меж ними неопасный
И Дева — чудо из чудес.

(Небо и Звезды)

Вечер

Уж вечер... облаков померкнули
края,
Последний луч зари на башнях
умирает;
Последняя в реке блестящая
струя
С потухшим небом угасает.

*Всё тихо: рощи спят; в окрестно-
сти покой;
Простёршись на траве под ивой
наклонённой,
Внимаю, как журчит, сливаясь с
рекой,
Поток, кустами осенённый.*

*Как слит с прохладой растений
фимиам![2]
Как сладко в тишине у берега
струй плесканье!
Как тихо веянье зефира[3] по во-
дам
И гибкой ивы трепетанье!*

Солнце и Борей

*Солнцу раз сказал Борей[4]:
«Солнце, ярко ты сияешь!
Ты всю землю оживляешь
Теплотой своих лучей!..
Но сравнишься ль ты со мною?
Я сто раз тебя сильнее!
Захочу — пушусь, завою
И в минуту мраком туч
Потемню твой яркий луч.
Всей земле своё сиянье
Ты без шума раздаёшь,*

Тихо на небовзойдёшь,
Продолжаешь путь в молчанье,
И закат спокоен твой!
Мой обычай не такой!
С рёвом, свистом я летаю,
Всем верчу, всё возмущаю,
Всё дрожит передо мной!
Так не я ли царь земной?..
И труда не будет много
То на деле доказать!
Хочешь власть мою узнать?
Вот, гляди: большой дорогой
Путешественник идёт;
Кто скорей с него сорвёт
Плащ, которым он накрылся,
Ты иль я?..» И вмиг Борей
Всею силою своей,
Как неистовый, пустился
С путешественником в бой.
Тянет плащ с него долой.
Но напрасно он хлопочет...
Путешественник вперёд
Всё идёт себе, идёт,
Уступить никак не хочет
И плаща не отдаёт.
Наконец Борей в досаде
Замолчал; и вдруг из туч
Показало Солнце луч,

И, при первом Солнца взгляде
Оживлённый теплотой,
Путешественник по воле
Плащ, ему не нужный боле,
Снял с себя своей рукой!
Солнце весело блеснуло
И сопернику шепнуло:
«Безрассудный мой Борей!
Ты расхвастался напрасно!
Видишь: злобы самовластной
Милость кроткая сильней!»

Лесной царь (Баллада)

Кто скачет, кто мчится под
хладною мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын мо-
лодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка
приник;
Обняв, его держит и греет ста-
рик.

— Дитя, что ко мне ты так роб-
ко прильнул?

— Родимый, лесной царь в глаза
мне сверкнул:
Он в тёмной короне, с густой бо-

родой.

— О нет, то белеет туман над
водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко
мне,
Весёлого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны
струи;
Из золота слиты чертоги[5]
мои».

— Родимый, лесной царь со мной
говорит:
Он золото, перлы[6] и радость су-
лит.
— О нет, мой младенец, ослышал-
ся ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул
листья.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве
моей
Узнаешь прекрасных моих доче-
рей:
При месяце будут играть и ле-
тать,
Играя, летая, тебя усыплять».

— Родимый, лесной царь созвал дочерей:

Мне, вижу, кивают из тёмных ветвей.

— О нет, всё спокойно в ночной глубине:

То вётлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:

Неволей иль волей, а будешь ты мой».

— Родимый, лесной царь нас хочет догнать;

Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;

Младенец тоскует, младенец кричит;

Ездок погоняет, ездок доскакал...

В руках его мёртвый младенец лежал.

Море

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарован над бездной тво-

ей.

Ты живо; ты дышишь; смятенной любовью,

Тревожною думой наполнено ты.

Безмолвное море, лазурное море,

Открой мне глубокую тайну

твою:

Что движет твоё необъятное ло-
но?

Чем дышит твоя напряжённая
грудь?

Иль тянет тебя из земныя нево-
ли

Далёкое, светлое небо к себе?..

Таинственной, сладостной пол-
ное жизни,

Ты чисто в присутствии чистом
его:

Ты льёшься его светозарной лазу-
рюю,

Вечерним и утренним светом го-
ришь,

Ласкаешь его облака золотые

И радостно блещешь звездами

его.

Когда же собираются тёмные ту-
чи,

Чтоб ясное небо отнять у тебя

—
Ты бьёшься, ты воешь, ты волны
подъемлешь,
Ты рвёшь и терзаешь враждебную
мглу...
И мгла исчезает, и тучи уходят;
Но, полное прошлой тревоги сво-
ей,
Ты долго вздымаешь испуганны
волны,
И сладостный блеск возвращён-
ных небес
Не вовсе тебе тишину возвраща-
ет;
Обманчив твоей неподвижности
вид:
Ты в бездне покойной скрываешь
смятенье,
Ты, небом любуясь, дрожишь за
него.

Дружба

Скатившись с горной высо-
ты,
Лежал на прахе дуб, перунами[7]
разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом
его обвитый...

О Дружба, это ты!

Сказки

Сказка об Иване-царевиче и Сером Волке

*Давным-давно был в некотором царстве
Могучий царь, по имени Демьян
Данилович. Он царствовал пре-
мудро;
И было у него три сына: Клим —
Царевич, Пётр-царевич и Иван —*

Царевич. Да ещё был у него
Прекрасный сад, и чудная росла
В саду том яблоня; всё золотые
Родились яблоки на ней. Но вдруг
В тех яблоках царёвых оказался
Великий недочёт; и царь Демьян
Данилович был так тем опеча-
лен,
Что похудел, лишился аппетита
И впал в бессонницу. Вот наконец,
Призвав к себе своих трёх сыновей,
Он им сказал: «Сердечные друзья
И сыновья мои родные, Клим —
Царевич, Пётр-царевич и Иван —
Царевич, должно вам теперь
большую
Услугу оказать мне; в царский сад
мой
Повадился таскаться ночью вор;
И золотых уж очень много яблок
Пропало; для меня ж пропажа
эта
Тошнее смерти. Слушайте, дру-
зья:
Тому из вас, кому поймать удаст-
ся
Под яблоней ночного вора, я
Отдам при жизни половину цар-

ства;
Когда ж умру, и всё ему оставлю
В наследство». Сыновья, услышав
то,
Что им сказал отец, уговорились
Поочерёдно в сад ходить и ночь
Не спать, и вора сторожить. И
первый
Пошёл, как скоро ночь настала,
Клим —
Царевич в сад и там залёг в гу-
стую
Траву под яблоней, и с полчаса
В ней пролежал, да и заснул так
крепко,
Что полдень был, когда, глаза
продрав,
Он поднялся, во весь зевая рот.
И, возвратись, царю Демьяну он
Сказал, что вор в ту ночь не при-
ходил.
Другая ночь настала; Пётр-царе-
вич
Сел сторожить под яблонею во-
ра;
Он целый час крепился, в темно-
ту
Во все глаза глядел, но в темноте

Всё было пусто; наконец и он,
Не одолев дремоты, повалился
В траву и захрапел на целый сад.
Давно был день, когда проснулся
он.

Пришед к царю, ему донёс он так
же,

Как Клим-царевич, что и в эту
ночь

Красть царских яблок вор не при-
ходил.

На третью ночь отправился
Иван —

Царевич в сад по очереди вора
Стеречь. Под яблоней он притаил-
ся,

Сидел не шевелясь, глядел при-
лежно

И не дремал; и вот, когда наста-
ла

Глухая полночь, сад весь облесну-
ло

Как будто молнией; и что же ви-
дит

Иван-царевич? От востока быст-
ро

Летит жар-птица, огненной звез-
дою

Блестя и в день преобращая ночь.
Прижавшись к яблоне, Иван-царевич

Сидит, не движется, не дышит,
ждёт,

Что будет? Сев на яблоню, жар-птица

За дело принялась и нарвала
С десяток яблок. Тут Иван-царевич,

Тихохонько поднявшись из травы,
Схватил за хвост воровку; уронив

На землю яблоки, она рванулась
Всей силою и вырвала из рук

Царевича свой хвост и улетела;
Однако у него в руках одно

Перо осталось, и такой был блеск
От этого — пера, что целый сад

Казался огненным. К царю Демьяну

Пришед, Иван-царевич доложил
Ему, что вор нашёлся и что этот

Вор был не человек, а птица; в
знак же,

Что правду он сказал, Иван-царевич

Почтительно царю Демьяну подал

Перо, которое он из хвоста
У вора вырвал. С радости отец
Его расцеловал. С тех пор не ста-
ли
Красть яблок золотых, и царь Де-
мьян
Развеселился, пополнел и начал
По-прежнему есть, пить и спать.
Но в нём
Желанье сильное зажглось: до-
быть
Воровку яблок, чудную жар-пти-
цу.
Призвав к себе двух старших сыно-
вей,
«Друзья мои, — сказал он, —
Клим-царевич
И Пётр-царевич, вам уже давно
Пора людей увидеть и себя
Им показать. С моим благослове-
нием
И с помощью господней поезжай-
те
На подвиги и наживите честь
Себе и славу; мне ж, царю, до-
станьте
Жар-птицу; кто из вас её доста-
нет,

Тому при жизни я отдам пол царства,

А после смерти всё ему оставляю
В наследство». Поклонясь царю,
немедля

Царевичи отправились в дорогу.
Немного времени спустя пришел

К царю Иван-царевич и сказал:
«Родитель мой, великий государь
Демьян Данилович, позволь мне
ехать

За братьями; и мне пора людей
Увидеть и себя им показать,
И честь себе нажить от них и
славу.

Да и тебе, царю, я угодить
Желал бы, для тебя достав жар-птицу.

Родительское мне благословенье
Дай и позволь пуститься в путь
мой с богом!»

На это царь сказал: «Иван-царевич,

Ещё ты молод, погоди; твоя
Пора придёт; теперь же ты меня
Не покидай; я стар, уж мне недолго

На свете жить; а если я один

Умру, то на кого покину свой
Народ и царство?» Но Иван-царе-
вич

Был так упрям, что напоследок
царь

И нехотя его благословил.

И в путь отправился Иван-царе-
вич;

И ехал, ехал и приехал к месту,
Где разделялася дорога на три.

Он на распутье том увидел
столб,

А на столбе такую надпись: Кто
Поедет прямо, будет всю дорогу
И голоден и холоден; кто вправо
Поедет, будет жив, да конь его
Умрёт, а влево кто поедет, сам
Умрёт, да конь его жив будет.

Вправо,

Подумавши, поворотить решил
Иван-царевич. Он недолго ехал;
Вдруг выбежал из леса Серый Волк
И кинулся свирепо на коня;

И не успел Иван-царевич взяться
За меч, как был уж конь заеден,
И Серый Волк пропал. Иван-царе-
вич,

Повесив голову, пошёл тихонько
Пешком; но шёл недолго; перед
ним

По-прежнему явился Серый Волк
И человеческим голосом сказал:
«Мне жаль, Иван-царевич, мой
сердечный,

Что твоего я доброго коня
Заел, но ты ведь сам, конечно, ви-
дел,

Что на столбу написано; тому
Так следовало быть; однако ж ты
Свою печаль забудь и на меня
Садись; тебе я верою и правдой
Служить отныне буду. Ну, скажи
же,

Куда теперь ты едешь и зачем?»

И Серому Иван-царевич Волку
Всё рассказал. А Серый Волк ему
Ответствовал: «Где отыскать
жар-птицу,

Я знаю; ну, садися на меня,
Иван-царевич, и поедем с богом».
И Серый Волк быстрее всякой
птицы

Помчался с седоком; и с ним он в
полночь

У каменной стены остановился.

«Приехали, Иван-царевич! — Волк
Сказал, — но слушай, в клетке зо-
лотой

За эту оградю висит
Жар-птица; ты её из клетки
Достань тихонько, клетки же
отнюдь

Не трогай: попадёшь в беду».

Иван-Царевич перелез через огра-
ду;

За ней в саду увидел он жар-птицу
В богатой клетке золотой, и сад
Был освещён, как будто солнцем.

Вынув

Из клетки золотой жар-птицу,
он

Подумал: «В чём же мне её вез-
ти?»

И, забыв, что Серый Волк ему
Советовал, взял клетку; но от-
всюду

Проведены к ней были струны;
громкий

Поднялся звон, и сторожа просну-
лись

И в сад сбежались, и в саду Ива-
на —

Царевича схватили — и к царю

Представили, а царь (он назывался

Далматом) так сказал: «Откуда ты?

И кто ты?» — «Я Иван-царевич; мой

Отец, Демьян Данилович, владеет Великим, сильным государством; ваша

Жар-птица по ночам летать в наш сад

Повадилась, чтоб золотые красть

Там яблоки: за ней меня послал Родитель мой, великий государь Демьян Данилович». На это царь Далмат сказал: «Царевич ты иль нет,

Того не знаю я; но, если правду Сказал ты, то не царским ремеслом

Ты промышляешь; мог бы прямо мне

Сказать: „Отдай мне, царь Далмат, жар-птицу“;

И я тебе её руками б отдал Во уважение того, что царь Демьян Данилович, столь знаме-

нитый

Своей премудростью, тебе отец,
Но слушай, я тебе мою жар-пти-
цу

Охотно уступлю, когда ты сам
Достанешь мне коня Золотогри-
ва;

Принадлежит могучему царю
Афрону он. За тридевять земель
Ты в тридесятое отправься цар-
ство

И у могучего царя Афрона
Мне выпроси коня Золотогрива
Иль хитростью какой его до-
стань.

Когда ж ко мне с конём не возвра-
тишься,

То по всему расславлю свету я,
Что ты не царский сын, а вор; и
будет

Тогда тебе великий срам и стыд».

Повесив голову, Иван-царевич
Пошёл туда, где был им Серый
Волк

Оставлен. Серый Волк ему сказал:
«Напрасно же меня, Иван-царевич,
Ты не послушался; но пособить
Уж нечем; будь вперёд умней; по-

едем
За тридевять земель к царю
Афрону».
И Серый Волк быстрее всякой
птицы
Помчался с седоком; и к ночи в
царство
Царя Афрона прибыли они
И у дверей конюшни царской там
Остановились. «Ну, Иван-царевич,
Послушай, — Серый Волк ска-
зал: — войди
В конюшню; конюха спят крепко;
ты
Легко из стойла выведешь коня
Золотогрива; только не бери
Его уздечки: снова попадёшь в бе-
ду».
В конюшню царскую Иван-царевич
Вошёл, и вывел он коня из стойла;
Но, на беду, взглянувши на уздеч-
ку,
Прельстился ею так, что поза-
был
Совсем о том, что Серый Волк
сказал,
И снял с гвоздя уздечку. Но и к ней
Проведены отсюда были струны;

Всё зазвенело; конюха вскочили;
И был с конём Иван-царевич пой-
ман,

И привели его к царю Афрону,
И царь Афрон спросил сурово:
«Кто ты?»

Ему Иван-царевич то ж в ответ
Сказал, что и царю Далмату.

Царь

Афрон ответствовал: «Хороший
ты

Царевич! Так ли должно посту-
пать

Царевичам? И царское ли дело
Шататься по ночам и воровать
Коней? С тебя я буйную бы мог
Снять голову; но молодость
твою

Мне жалко погубить; да и коня
Золотогрива дать я соглашусь,
Лишь поезжай за тридевять зе-
мель

Ты в тридесятое отсюда царство
Да привези оттуда мне царевну
Прекрасную Елену, дочь царя
Могучего Касима; если ж мне
Её не привезёшь, то я везде рас-
славлю,

Что ты ночной бродяга, плут и вор».

Опять, повесив голову, пошёл
Туда Иван-царевич, где его
Ждал Серый Волк. И Серый Волк
сказал:

«Ой ты, Иван-царевич! Если б я
Тебя так не любил, здесь моего бы
И духу не было. Ну, полно охать,
Садися на меня, поедем с богом
За тридевять земель к царю Ка-
симу;

Теперь моё, а не твоё уж дело».
И Серый Волк опять скакать с
Иваном —

Царевичем пустился. Вот они
Проехали уж тридевять земель,
И вот они уж в тридесятом цар-
стве;

И Серый Волк, ссадив с себя Ива-
на —

Царевича, сказал: «Недалеко
Отсюда царский сад; туда один
Пойду я; ты ж меня дождись под
этим

Зелёным дубом». Серый Волк по-
шёл

И перелез через ограду сада

И закопался в куст, и там лежал
Не шевелясь. Прекрасная Елена
Касимовна — с ней красные деви-
цы

И мамушки и нянюшки — пошла
Прогуливаться в сад; а Серый
Волк

Того и ждал: приметив, что ца-
ревна,

От прочих отделяя, шла одна,
Он выскочил из-под куста, схва-
тил

Царевну, за спину её свою
Закинул и давай бог ноги. Страш-
ный

Крик подняли и красные девицы,
И мамушки, и нянюшки; и весь
Сбежался двор[8], министры, ка-
мергеры[9]

И генералы; царь велел собрать
Охотников и всех спустить своих.
Собак борзых и гончих — всё на-
прасно:

Уж Серый Волк с царевной и с Ива-
ном —

Царевичем был далеко и след
Давно простыл; царевна же лежа-
ла

Без всякого движенья у Ивана —
Царевича в руках (так Серый Волк
Её, сердечную, перепугал).

Вот понемногу начала она
Входить в себя, пошевелилась,
глазки

Прекрасные открыла и, совсем
Очнувшись, подняла их на Ива-
на —

Царевича и покраснела вся,
Как роза алая; и с ней Иван —
Царевич покраснел, и в этот миг
Она и он друг друга полюбили
Так сильно, что ни в сказке рас-
сказать,

Ни описать пером того не мож-
но.

И впал в глубокую печаль Иван —
Царевич: крепко, крепко не хоте-
лось

С царевною Еленою ему
Расстаться и её отдать царю
Афрону; да и ей самой то было
Страшнее смерти. Серый Волк,
заметив

Их горе, так сказал: «Иван-царе-
вич,

Изволишь ты кручиниться на-

прасно;
Я помогу твоей кручине: это
Не служба — службишка; прямая
служба
Ждёт впереди». И вот они уж в
царстве
Царя Афрона. Серый Волк сказал:
«Иван-царевич, здесь должны ум-
ненько
Мы поступить: я превращусь в ца-
ревну;
А ты со мной явись к царю Афро-
ну,
Меня ему отдай и, получив
Коня Золотогрива, поезжай впе-
рёд
С Еленю Касимовной; меня вы
Дождитесь в скрытном месте;
ждать же вам
Не будет скучно». Тут, ударясь
оземь,
Стал Серый Волк царевною Еле-
ной
Касимовной. Иван-царевич, сдав
Его с рук на руки царю Афрону
И получив коня Золотогрива,
На том коне стрелой пустился в
лес,

Где настоящая его ждала
Царевна. Во дворце ж царя Афрона
Тем временем готовилась сва-
дьба,
И в тот же день с невестой царь
к венцу
Пошёл; когда же их перевенчали
И молодой был должен молодую
Поцеловать, губами царь Афрон
С шершавою столкнулся волчьей
мордой,

И эта морда за нос укусила
Царя, и не жену перед собой
Красавицу, а волка царь Афрон
Увидел. Серый Волк недолго стал
Тут церемониться: он сбил хво-
стом
Царя Афрона с ног и прынул в две-
ри.
Все принялись кричать: «Держи,
держи!
Лови, лови!» Куда ты! Уж Ива-
на —
Царевича с царевною Еленой
Давно догнал проворный Серый
Волк;
И уж, сошед с коня Золотогрива,

*Иван-царевич пересел на Волка,
И уж вперёд они опять, как вихри,
Летели. Вот приехали и в царство
Далматово они. И Серый Волк
Сказал: «В коня Золотогрива
Я превращусь, а ты, Иван-царевич,
Меня отдав царю и взяв жар-пти-
цу,
По-прежнему с царевною Еленой*

Ступай вперёд; я скоро догоню вас».

Так всё и сделалось, как Волк устроил.

Немедленно велел Золотогрива Царь оседлать, и выехал на нём Он с свитою придворной на охоту; И впереди у всех он поскакал За зайцем; все придворные кричали:

«Как молодецки скачет царь Далмат!»

Но вдруг из-под него на всём скаку Юркнул шершавый Волк, и царь Далмат,

Перекувырнувшись с его спины, Вмиг очутился головою вниз, Ногами вверх и, по плеча ушедши В распаханную землю, упирался В неё руками и, напрасно сясь Освободиться, в воздухе болтал Ногами; вся к нему тут свита Скакать пустилася; освободили Царя; потом все принялись громко

Кричать: «Лови, лови! Трави, травви!»

Но было некого травить; на Вол-

Уже по-прежнему сидел Иван —
Царевич, на коне ж Золотогриве
Царевна, и под ней Золотогрив
Гордился и плясал; не торопясь,
Большой дорогою они шажком
Тихонько ехали; и мало ль, долго
ль

Их длилась дорога — наконец
Они доехали до места, где Иван —
Царевич Серым Волком в первый
раз

Был встречен; и ещё лежали там
Его коня белеющие кости;
И Серый Волк, вздохнув, сказал
Ивану —

Царевичу: «Теперь, Иван-царевич,
Пришла пора друг друга нам поки-
нуть;

Я верою и правдою донине
Тебе служил и ласкою твоею
Доволен, и, покуда жив, тебя
Не позабуду; здесь же на прощанье
Хочу тебе совет полезный дать:
Будь осторожен, люди злы; и бра-
тьям

Родным не верь. Молю усердно бо-
га,

Чтоб ты домой доехал без беды

И чтоб меня обрадовал прият-
ным

Известьем о себе. Прости, Иван —
Царевич». С этим словом Волк ис-
чез.

Погоревав о нём, Иван-царевич,
С царевною Еленой на седле,
С жар-птицей в клетке за плеча-
ми, дале

Поехал на коне Золотогриве,
И ехали они дня три, четыре;
И вот, подъехавши к границе цар-
ства,

Где властвовал премудрый царь
Демьян

Данилович, увидели богатый
Шатёр, разбитый на лугу зелё-
ном;

И из шатра к ним вышли... кто
же? Клим

И Пётр царевичи. Иван-царевич
Был встречен такою несказанно
Обрадован; а братьям в сердце за-
висть

Змеёй вползла, когда они жар-
птицу

С царевною Еленой у Ивана —
Царевича увидели в руках:

Была им мысль несносна пока-
заться

Без ничего к отцу, тогда как брат
Меньшой воротится к нему с
жар-птицей,

С прекрасною невестой и с конём
Золотогривом и ещё получит
Полцарства по приезде; а когда
Отец умрёт, и всё возьмёт в на-
следство.

И вот они замыслили злодейство:
Вид дружеский принявши, пригласи-
ли

Они в шатёр свой отдохнуть Ива-
на —

Царевича с царевною Еленой
Прекрасною. Без подозренья оба
Вошли в шатёр. Иван-царевич,
долгой

Дорогой утомлённый, лёг и скоро
Заснул глубоким сном; того и
ждали

Злодеи-братья: мигом острый
меч

Они ему вонзили в грудь, и в поле
Его оставили и, взяв царевну,
Жар-птицу и коня Золотогрива,
Как добрые, отправились в путь.

А между тем, недвижим, безды-
ханен,
Облитый кровью, на поле широ-
ком
Лежал Иван-царевич. Так прошёл
Весь день; уже склоняться начи-
нало
На запад солнце; поле было пусто;
И уж над мёртвым с чёрным во-
ронёнком
Носился, каркая и распустивши
Широко крылья, хищный ворон.
Вдруг,
Откуда ни возьмись, явился Серый
Волк: он, беду великую почуяв,
На помощь подоспел; ещё б мину-
та,
И было б поздно. Угадав, какой
Был умысел у ворона, он дал
Ему на мёртвое спуститься те-
ло;
И только тот спустился, разом
цап
Его за хвост; закаркал старый во-
рон.
«Пусти меня на волю, Серый
Волк!» —
Кричал он. «Не пущу, — тот отве-

чал, —

Пока не принесёт твой воронёнок
Живой и мёртвой мне воды». И во-
рон

Велел лететь скорее воронёнку,
За мёртвою и за живой водою.
Сын полетел, а Серый Волк, отца
Порядком скомкав, с ним весьма
учтиво

Стал разговаривать, и старый во-
рон

Довольно мог ему порассказать
О том, что он видал в свой дол-
гий век

Меж птиц и меж людей. И слу-
шал

Его с большим вниманьем Серый
Волк

И мудрости его необычайной
Дивился, но, однако, всё за хвост
Его держал и иногда, чтоб он
Не забывался, мял его легонько
В когтистых лапах. Солнце село;
ночь

Настала и прошла; и занялась
Заря, когда с живой водой и мёрт-
вой

В двух пузырьках проворный воро-

нёнок

Явился. Серый Волк взял пузырьки
И ворона-отца пустил на волю.
Потом он с пузырьками подошёл
К лежавшему недвижимо Ива-
ну —

Царевичу: сперва его он мёртвой
Водю вспрыснул — и в минуту
рана

Его закрылася, окостенелость
Пропала в мёртвых членах, заиг-
рал

Румянец на щеках; его он вспрыс-
нул

Живой водой — и он открыл гла-
за,

Пошевелился, потянулся, встал
И молвил: «Как же долго проспал
я?» —

«И вечно бы тебе здесь спать,
Иван —

Царевич, — Серый Волк сказал, —
когда б

Не я; теперь тебе прямую службу
Я отслужил; но эта служба, знай,
Последняя; отныне о себе
Займись сам. А от меня прими
Совет и поступи, как я тебе ска-

жу.

Твоих злодеев-братьев нет уж бо-
ле

На свете; им могучий чародей
Кощей Бессмертный голову обоим
Свернул, и этот чародей навёл
На ваше царство сон; и твой роди-
тель

И подданные все его теперь
Непробудимо спят; твою ж ца-
ревну

С жар-птицей и конём Золото-
гривом

Похитил вор Кощей; все трое
Заключены в его волшебном зам-
ке.

Но ты, Иван-царевич, за свою
Невесту ничего не бойся; злой
Кощей над нею власти никакой
Иметь не может: сильный та-
лисман

Есть у царевны; выйти ж ей из
замка

Нельзя; её избавит только
смерть

Кощеева; а как найти ту смерть,
и я

Того не ведаю; об этом Баба

Яга одна сказать лишь может.
Ты, Иван-царевич, должен эту Бабу
Ягу найти; она в дремучем, тёмном
лесе,
В седом, глухом бору живёт в избушке
На курьих ножках; в этот лес ещё
Никто следа не пролагал; в него
Ни дикий зверь не заходил, ни птица
Не залетала. Разъезжает Баба
Яга по целой поднебесной в ступе,
Пестом железным погоняет,
след
Метлою заметает. От неё
Одной узнаешь ты, Иван-царевич,
Как смерть Кощееву тебе достать.
А я тебе скажу, где ты найдёшь
Коня, который привезёт тебя
Прямой дорогой в лес дремучий к
Бабе
Яге. Ступай отсюда на восток;
Придёшь на луг зелёный; среди
Его растут три дуба; меж дубами
В земле чугунная зарыта дверь

С кольцом; за то кольцо ты поды-
ми
Ту дверь и вниз по лестнице сойди;
Там за двенадцатью дверями за-
перт
Конь богатырский; сам из подзе-
мелья
К тебе он выбежит; того коня
Возьми и с богом поезжай; с доро-
ги
Он не собьётся. Ну, теперь про-
сти,
Иван-царевич; если бог велит
С тобой нам свидеться, то это
будет
Не иначе, как у тебя на свадьбе».
И Серый Волк помчался к лесу;
вслед
За ним смотрел Иван-царевич с
грустью;
Волк, к лесу подбежавши, обернул-
ся,
В последний раз махнул издалека
Хвостом и скрылся. А Иван-царе-
вич,
Оборотившись на восток лицом,
Пошёл вперёд. Идёт он день, идёт
Другой; на третий он приходит к

лугу
Зелёному; на том лугу три дуба
Растут; меж тех дубов находит
он
Чугунную с кольцом железным
дверь;
Он подымает дверь; под тою две-
рью
Крутая лестница; по ней он вниз
Спускается, и перед ним внизу
Другая дверь, чугунная ж, и креп-
ко
Она замком висячим заперта.
И вдруг, он слышит, конь заржал,
и ржанье
Так было сильно, что, с петлей со-
рвавшись,
Дверь наземь рухнула с ужасным
стуком;
И видит он, что вместе с ней упа-
ло
Ещё одиннадцать дверей чугу-
нных;
За этими чугунными дверями
Давным-давно конь богатырский
заперт
Был колдуном. Иван-царевич
свистнул;

Почуяв седока, на молодецкий
Свист богатырский конь из стой-
ла прынул
И прибежал, легок, могуч, красив,
Глаза как звёзды, пламенные нозд-
ри,
Как туча грива, — словом, конь не
конь,
А чудо. Чтоб узнать, каков он си-
лой,
Иван-царевич по спине его
Повёл рукой, и под рукой могучей
Конь захрапел и сильно пошат-
нулся,
Но устоял, копыта втиснув в зем-
лю;
И человеческим голосом Ивану —
Царевичу сказал он: «Добрый ви-
тязь,
Иван-царевич, мне такой, как ты,
Седок и надобен; готов тебе
Я верою и правдою служить;
Садися на меня, и с богом в путь
наш
Отправимся; на свете все дороги
Я знаю; только прикажи, куда
Тебя везти, туда и привезу».
Иван-царевич в двух словах коню

Всё объяснил и, севши на него,
Прикрикнул. И взвился могучий
конь,
От радости заржавши, на дыбы;
Бьёт по крутым бедрам его се-
док;
И конь бежит, под ним земля
дрожит;
Несётся выше он дерев стоячих,
Несётся ниже облаков ходячих,
И прядает через широкий дол,
И застилает узкий дол хвостом,
И грудью все заграды пробивает,
Летя стрелой и лёгкими ногами
Былиночки к земле не пригибая,
Пылиночки с земли не подымая.
Но, так скакав день целый, нако-
нец
Конь утомился, пот с него бежал
Ручьями, весь был окружён, как
дымом,
Горячим паром он. Иван-царевич,
Чтоб дать ему вздохнуть, поехал
шагом;
Уж было под вечер; широким по-
лем
Иван-царевич ехал и прекрасным
Закатом солнца любовался.

Вдруг

Он слышит дикий крик; глядит...
и что же?

Два Лешая дерутся на дороге,
Кусаются, брыкаются, друг друга
Рогами тычут. К ним Иван-царе-
вич

Подъехавши, спросил: «За что у
вас,

Ребята, дело стало?» — «Вот за
что, —

Сказал один. — Три клада нам до-
стались:

Драчун-дубинка, скатерть-само-
бранка

Да шапка-невидимка — нас же
двое;

Как поровну нам разделиться?

Мы

Заспорили, и вышла драка; ты
Разумный человек; подай совет
нам,

Как поступить». — «А вот как, —
им Иван —

Царевич отвечал. — Пущу стрелу,
А вы за ней бегите; с места ж, где
Она на землю упадёт, обратно
Пуститесь взапуски ко мне; кто

первый
Здесь будет, тот возьмёт себе на
выбор
Два клада; а другому взять один.
Согласны ль вы?» — «Соглас-
ны», — закричали
Рогатые и стали рядом. Лук
Тугой свой натянув, пустил стре-
лу
Иван-царевич; Лешие за ней
Помчались, выпуча глаза, оставив
На месте скатерть, шапку и ду-
бинку.

Тогда Иван-царевич, взяв под
мышку
И скатерть и дубинку, на себя
Надел спокойно шапку-невидимку,
Стал невидим и сам и конь, и дале
Поехал, глупым Лешаям оставив
На произвол, начать ли снова дра-
ку
Иль помириться. Богатырский
конь
Поспел ещё до захожденья солнца
В дремучий лес, где обитала Баба
Яга. И, въехав в лес, Иван-царевич
Дивится древности его огромных

*Дубов и сосен, тускло освещённых
Зарёй вечернею; и всё в нём тихо:
Деревья все как сонные стоят,
Не колыхнётся лист, не шевель-
нётся
Былинка; нет живого ничего
В безмолвной глубине лесной, ни
птицы
Между ветвей, ни в травке червя-
ка;
Лишь слышится в молчанье по-*

всеместном
Гремучий топот конский. Нако-
нец
Иван-царевич выехал к избушке
На курьих ножках. Он сказал: «Из-
бушка,
Избушка, к лесу стань задом, ко
мне
Стань передом». И перед ним из-
бушка
Перевернулась; он в неё вошёл;
В дверях остановись, перекре-
стился
На все четыре стороны, потом,
Как должно, поклонился и, глаза-
ми
Избушку всю окинувши, увидел,
Что на полу её лежала Баба
Яга, упёрши ноги в потолок
И в угол голову. Услышав стук
В дверях, она сказала: «Фу! фу! фу!
Какое диво! Русского здесь духу
До этих пор не слыхано слыхом,
Не видано видом, а нынче русский
Дух уж в очах свершается. Зачем
Пожаловал сюда, Иван-царевич?
Неволею иль волею? Доныне
Здесь ни дубравный зверь не прохо-

дил,
Ни птица лёгкая не пролетала,
Ни богатырь лихой не проезжал;
Тебя как бог сюда занёс, Иван —
Царевич?» — «Ах, безмозглая ты
ведьма! —

Сказал Иван-царевич Бабе
Яге. — Сначала накорми, напой
Меня ты, молодца; да постели
Постелю мне, да выспаться мне
дай,
Потом расспрашивай». И тотчас
Баба

Яга, поднявшись на ноги, Ивана —
Царевича как следует обмыла
И выпарила в бане, накормила
И напоила, да и тотчас спать
В постелю уложила, так примол-
вив:

«Спи, добрый витязь; утро мудре-
нее,
Чем вечер; здесь теперь спокойно
Ты отдохнёшь; нужду ж свою рас-
скажешь

Мне завтра; я, как знаю, помогу».
Иван-царевич, богу помолясь,
В постелю лёг и скоро сном глубо-
ким

Заснул и проспал до полудня.
Вставши,
Умывшись, одевшись, он Бабе
Яге подробно рассказал, зачем
Заехал к ней в дремучий лес; и Ба-
ба
Яга ему ответствовала так:
«Ах! добрый молодец Иван-царе-
вич,
Затеял ты нешуточное дело;
Но не кручинься, всё уладим с бо-
гом;
Я научу, как смерть тебе Кощея
Бессмертного достать; изволь
меня
Послушать: на море на Окиане,
На острове великом на Буяне
Есть старый дуб; под этим ста-
рым дубом
Зарыт сундук, окованный желе-
зом;
В том сундуке лежит пушистый
заяц;
В том зайце утка серая сидит;
А в утке той яйцо; в яйце же
смерть
Кощеева. Ты то яйцо возьми
И с ним ступай к Кощею, а когда

В его приедешь замок, то увидишь,
Что змей двенадцатиголовый
вход
В тот замок стережёт; ты с
этим змеем
Не думай драться, у тебя на то
Дубинка есть; она его уймёт.
А ты, надевши шапку-невидимку,
Иди прямой дорогою к Кощею
Бессмертному; в минуту он издохнет,
Как скоро ты при нём яйцо раздавишь.
Смотри лишь не забудь, когда назад
Поедешь, взять и гусли-самогуды:
Лишь их игрою только твой родитель
Демьян Данилович и всё его
Заснувшее с ним вместе государство
Пробуждены быть могут. Ну, теперь
Прости, Иван-царевич; бог с тобою;
Твой добрый конь найдёт дорогу сам;

Когда ж свершишь опасный по-
двиг свой,
То и меня, старуху, помяни
Не лихом, а добром». Иван-царе-
вич,
Простившись с Бабою Ягою, сел
На доброго коня, перекрестился,
По-молодецки свистнул; конь по-
мчался,
И скоро лес дремучий за Ива-
ном —
Царевичем пропал вдали, и скоро
Мелькнуло впереди чертою синей
На крае неба море Окиан.
Вот прискакал и к морю Окиану
Иван-царевич. Осмотрясь, он ви-
дит,
Что у моря лежит рыбачий невод
И что в том неводе морская щука
Трепещется. И вдруг ему та щука
По-человечьи говорит: «Иван —
Царевич, вынь из невода меня
И в море брось; тебе я пригожусь».
Иван-царевич тотчас просьбу щу-
ки
Исполнил, и она, хлестнув хво-
стом

В знак благодарности, исчезла в море.

*А на море глядит Иван-царевич
В недоумении; на самом крае,
Где небо с ним как будто бы сли-*

*лося,
Он видит, длинной полосой ост-*

*ров
Буян чернеет; он и недалёк;
Но кто туда перевезёт? Вдруг
конь*

*Заговорил: «О чём, Иван-царевич,
Задумался? О том ли, как до-*

*браться
Нам до Буяна острова? Да что
За трудность! Я тебе корабль; си-*

*ди
На мне да крепче за меня дер-*

*жись,
Да не робей, и духом доплывём».
И в гриву конскую Иван-царевич
Рукою впутался, крутые бёдра
Коня ногами крепко стиснул;*

*конь
Рассвирепел и, расскакавшись,
прянул*

С крутого берега в морскую без-

На миг и он и всадник в глубине
Пропали; вдруг раздвинулася с шумом

Морская зыбь, и вынырнул могучий

Конь из неё с отважным седоком;
И начал конь копытами и грудью
Бить по водам и волны пробивать,

И вокруг него кипела, волновалась,
И пенилась, и брызгами взлетала
Морская зыбь, и сильными прыжками,

Под крепкие копыта загребая
Кругом ревущую волну, как лёгкий

На парусах корабль с попутным ветром,

Вперёд стремился конь, и длинный след

Шипящею бежал за ним змеёю;

И скоро он до острова Буяна

Доплыл и на берег его отлогий

Из моря выбежал, покрытый пеной.

Не стал Иван-царевич медлить;
он,

Коня пустив по шёлковому лугу

Ходить, гулять и травку медовую
Щипать, пошёл поспешным ша-
гом к дубу,
Который рос у берега морского
На высоте муравчатого холма.
И, к дубу подошед, Иван-царевич
Его шатнул рукою богатырской,
Но крепкий дуб не пошатнулся; он
Опять его шатнул — дуб скрип-
нул; он
Ещё шатнул его и посильнее,
Дуб покачнулся, и под ним коре-
нья
Зашевелили землю; тут Иван-ца-
ревич
Всей силою рванул его — и с трес-
ком
Он повалился, из земли коренья
Со всех сторон, как змеи, подня-
лись,
И там, где ими дуб впивался в
землю,
Глубокая открылась яма. В ней
Иван-царевич кованый сундук
Увидел; тотчас тот сундук из
ямы
Он вытащил, висячий сбил замок,
Взял за уши лежавшего там зай-

ца

И разорвал; но только лишь успел
Он зайца разорвать, как из него
Вдруг выпорхнула утка; быстро
Она взвилась и полетела к морю;

В неё пустил стрелу Иван-царе-
вич,

И метко так, что пронизал её
Насквозь; закрикав, кувырнулась
утка;

И из неё вдруг выпало яйцо,
И прямо в море; и пошло, как
ключ,

Ко дну. Иван-царевич ахнул; вдруг,
Откуда ни возьмись, морская щу-
ка

Сверкнула на воде, потом юркну-
ла,

Хлестнув хвостом, на дно, потом
опять

Всплыла и, к берегу с яйцом во
рту

Тихохонько приблизясь, на песке
Яйцо оставила, потом сказала:

«Ты видишь сам теперь, Иван-ца-
ревич,

Что я тебе в час нужный пригоди-

лась».
С сим словом шука уплыла.

Иван —

Царевич взял яйцо; и конь могучий
С Буяна острова на твёрдый берег
Его обратно перенёс. И дале

Конь поскакал и скоро прискакал
К крутой горе, на высоте которой
Кощеев замок был; её подошва

Обведена была стеной железной,
И у ворот железной той стены
Двенадцатиголовый змей лежал;

И из его двенадцати голов
Всегда шесть спали, шесть не спа-
ли, днём

И ночью по два раза для надзора
Сменяясь; а в виду ворот желез-
ных

Никто и вдалеке остановиться
Не смел: змей подымался, и от
зуб

Его уж не было спасенья — он
Был невредим и только сам себя
Мог умертвить; чужая ж сила
сладить

С ним никакая не могла. Но конь
Был осторожен; он подвёз Ива-
на —

Царевича к горе со стороны,
Противной воротам, в которых

змея

Лежал и караулил; потихоньку
Иван-царевич в шапке-невидимке
Подъехал к змею; шесть его голов
Во все глаза по сторонам глядели,
Разинув рты, оскалив зубы; шесть
Других голов на вытянутых шеях
Лежали на земле, не шевелясь,
И, сном объятые, храпели. Тут
Иван-царевич, подтолкнув дубинку,

Висевшую спокойно на седле,
Шепнул ей: «Начинай!» Не стала
долго
Дубинка думать, тотчас прыг с
седла,
На змея кинулась и ну его
По головам и спящим и неспящим
Гвоздить. Он зашипел, озлился,
начал
Туда, сюда бросаться; а дубинка
Его себе колотит да колотит;
Лишь только он одну разинет
пасть,
Чтобы её схватить, — ан нет,
прошу
Не торопиться, уж она
Ему другую чешет морду; все он

Двенадцать ртов откроет, чтоб
её

Поймать, — она по всем его зу-
бам,

Оскаленным как будто напоказ,
Гуляет и все зубы чистит; взвыв
И все носы наморщив, он зажмёт
Все рты и лапами схватит ду-
бинку

Попробует — она тогда его
Чистит по всем двенадцати за-
тылкам;

Змей в исступлении, как одуре-
лый,

Кидался, выл, кувыркался, от зло-
сти

Дышал огнём, грыз землю — всё
напрасно!

Не торопясь, отчётливо, спокой-
но,

Без промахов, над ним свою ду-
бинка

Работу продолжает и его,
Как на току усердный цеп, моло-
тит;

Змей наконец озлился так, что
начал

Грызть самого себя и, когти в

грудь
Себе вдруг запустив, рванул так
сильно,
Что разорвался надвое и, с визгом
На землю грянувшись, издох. Дубинка
Работу и над мёртвым продол-
жать
Свою, как над живым, хотела; но
Иван-царевич ей сказал: «Доволь-
но!»
И вмиг она, как будто не бывала
Ни в чём, повисла на седле.
Иван —
Царевич, у ворот коня оставив
И разостлавши скатерть-само-
бранку
У ног его, чтоб мог усталый конь
Наестся и напиться вдоволь, сам
Пошёл, покрытый шапкой-неви-
димкой,
С дубинкою на всякий случай и с
яйцом
В Кощеев замок. Трудновато было
Карабкаться ему на верх горы;
Вот, наконец, добрался и до замка
Кощеева Иван-царевич. Вдруг
Он слышит, что в саду недалеко

Играют гусли-самогуды; в сад
Вошедши, в самом деле он увидел,
Что гусли на дубу висели и играли
И что под дубом тем сама Елена
Прекрасная сидела, погрузившись
В раздумье. Шапку-невидимку
снявши,

Он тотчас ей явился и рукою
Знак подал, чтоб она молчала. Ей
Потом он; на ухо шепнул: «Я
смерть

Кощею принёс; ты подожди
Меня на этом месте; я с ним ско-
ро

Управлюся и возвращусь; и мы
Немедленно уедем». Тут Иван —
Царевич, снова шапку-невидимку
Надев, хотел идти искать Кощею
Бессмертного в его волшебном
замке,

Но он и сам пожаловал. Прибли-
жась,

Он стал перед царевною Еленой
Прекрасною и начал попрекать ей
Её печаль и говорить: «Иван —
Царевич твой к тебе уж не при-
дёт;

Его уж нам не воскресить. Но чем

же

Я не жених тебе, скажи сама,
Прекрасная моя царица? Полно
ж

Упрямиться, упрямство не помо-
жет;

Из рук моих оно тебя не вырвет;

Уж я...» Дубинке тут шепнул

Иван —

Царевич: «Начинай!» И принялась
Она трепать Кощею спину. С кри-
ком,

Как бешеный, коверкаться и пры-
гать

Он начал, а Иван-царевич, шапки

Не сняв, стал приговаривать:

«Прибавь,

Прибавь, дубинка; поделом ему,

Собаке, не воруй чужих невест;

Не докучай своею волчьей харей

И глупым сватовством своим
прекрасным

Царевнам; злого сна не наводи

На царства! Крепче бей его, дубин-
ка!» —

«Да где ты? Покажись! — кричал
Кощей. —

Кто ты таков?» — «А вот

кто!» — отвечал
Иван-царевич, шапку-невидимку
Сняв с головы своей, и в то ж
мгновенье
Ударил оземь он яйцо; оно
Разбилось вдребезги; Кощей Бес-
смертный
Перекувырнулся и околел.
Иван-царевич из саду с царевной
Еленюю Прекрасною вышел, взять
Не позабывши гусли-самогуды,
Жар-птицу и коня Золотогрива.
Когда ж они с крутой горы спу-
стились
И, севши на коней, в обратный
путь
Поехали, гора, ужасно затрещав,
Упала с замком, и на месте том
Явилось озеро, и долго чёрный
Над ним клубился дым, распро-
страняясь
По всей окрестности с великим
смадом.
Тем временем Иван-царевич, дав
Коням на волю их везти, как им
Самим хотелось, весело с прекрас-
ной
Невестой ехал. Скатерть-само-

бранка
Усердно им дорогою служила,
И был всегда готов им вкусный
завтрак,
Обед и ужин в надлежащий час:
На мураве душистой утром, в
полдень
Под деревом густовершинным,
ночью
Под шёлковым шатром, который
был
Всегда из двух отдельных половин
Составлен. И за каждой их трапе-
зой
Играли гусли-самогуды; ночью
Светила им жар-птица, а дубин-
ка
Стояла на часах перед шатром;
Кони же, подружась, гуляли вме-
сте,
Катались по бархатному лугу
Или траву росистую щипали,
Иль голову кладя поочерёдно
Друг другу на спину, спокойно спа-
ли.
Так ехали они путём-дорогой
И наконец приехали в то царство,
Которым властвовал отец Ива-

на —

Царевича, премудрый царь Демьян
Данилович. И царство всё, от са-
мых

Его границ до царского двора,
Объято было сном непробуди-
мым;

И где они ни проезжали, всё
Там спало; на поле перед сохой
Стояли спящие волы; близ них
С своим бичом, взмахнутым и за-
снувшим

На взмахе, пахарь спал; среди
большой

Дороги спал ездок с конём, и пыль,
Поднявшись, сонная, недвижным
клубом

Стояла; в воздухе был мёртвый
сон;

На деревьях листья дремали мол-
ча;

И в ветвях сонные молчали пти-
цы;

В селеньях, в городах всё было ти-
хо,

Как будто в гробе: люди по до-
мам,

На улицах, гуляя, сидя, стоя,

И с ними всё: собаки, кошки, куры,
В конюшнях лошади, в закутах ов-
цы,
И мухи на стенах, и дым в трубах

Всё спало. Так в отцовскую столи-
цу

Иван-царевич напоследок прибыл
С царевной Еленю Прекрасной.

И, на широкий взъехав царский
двор,

Они на нём лежащие два трупа
Увидели: то были Клим и Пётр
Царевичи, убитые Кощеём.

Иван-царевич, мимо караула,
Стоявшего в параде сонным стро-
ем,

Прошед, по лестнице повёл неве-
сту

В покои царские. Был во дворце,
По случаю прибытия двух стар-
ших

Царёвых сыновей, богатый пир
В тот самый час, когда убил обо-
их

Царевичей и сон на весь народ
Навёл Кощей; весь пир в одно
мгновенье

Тогда заснул, кто как сидел, кто
как
Ходил, кто как плясал; и в этом
сне
Ещё их всех нашёл Иван-царевич;
Демьян Данилович спал стоя; под-
ле
Царя храпел министр его двора
С открытым ртом, с некончен-
ным во рту
Докладом; и придворные чины,
Все вытянувшись, сонные стояли
Перед царём, уставив на него
Свои глаза, потухшие от сна,
С подобострастием на сонных ли-
цах,
С заснувшею улыбкой на губах.
Иван-царевич, подошед с царевной
Еленю Прекрасною к царю,
Сказал: «Играйте, гусли-самогу-
ды»,
И заиграли гусли-самогуды...
Вдруг всё очнулось, всё заговори-
ло,
Запрыгало и заплясало; словно
Ни на минуту не был прерван пир.
А царь Демьян Данилович, увидя,
Что перед ним с царевною Еленю

Прекрасною стоит Иван-царевич,
Его любимый сын, едва совсем
Не обезумел: он смеялся, плакал,
Глядел на сына, глаз не отводя,
И целовал его, и миловал,
И напоследок так развеселился,
Что руки в боки и пошёл плясать
С царевною Еленою Прекрасной.
Потом он приказал стрелять из
пушек,
Звонить в колокола и бирючам
[10]
Столице возвестить, что возвра-
тился
Иван-царевич, что ему полцар-
ства
Теперь же уступает царь Демьян
Данилович, что он наименован
Наследником, что завтра брак
его
С царевною Еленою свершится
В придворной церкви и что царь
Демьян
Данилович весь свой народ зовёт
На свадьбу к сыну, всех военных,
статских[11],
Министров, генералов, всех дво-
рян

Богатых, всех дворян мелкопо-
местных,
Купцов, мещан, простых людей и
даже
Всех нищих. И на следующий день
Невесту с женихом повёл Демьян
Данилович к венцу; когда же их
Перевенчали, тотчас поздравле-
нье
Им принесли все знатные чины
Обоих полов; а народ на площади
Дворцовой той порой кипел, как
море;
Когда же вышел с молодыми царь
К нему на золотой балкон, от
крика:
Да здравствует наш государь Де-
мьян
Данилович с наследником Ива-
ном —
Царевичем и с дочерью царевной
Еленюю Прекрасною! все зданья
Столицы дрогнули и от взлетев-
ших
На воздух шапок божий день за-
тмился.
Вот на обед все званые царём
Сошлись гости — вся его столи-

ца;
В домах остались одни больные
Да дети, кошки и собаки. Тут
Своё проворство скатерть-само-
бранка
Явила: вдруг она на целый город
Раскинулась; сама собою площадь
Уставилась столами, и столы
По улицам в два ряда протяну-
лись;
На всех столах сервиз был золо-
той,
И не стекло — хрусталь, а под
столами
Шелковые ковры повсюду были
Разостланы; и всем гостям слу-
жили
Гайдуки[12] в золотых ливреях.
Был
Обед такой, какого никогда
Никто не слыхивал: уха, как жид-
кий
Янтарь, сверкавшая в больших ка-
стрюлях;
Огромно-жирные, длиною в са-
жень,
Из Волги стерляди на золотых
Узорных блюдах; кулебяка с слад-

кой

Начинкою, с груздями гуси, каша
С сметаною, блины с икрою све-
жей

И крупной, как жемчуг, и пироги
Подовые, потопленные в масле;
А для питья шипучий квас в хру-
стальных

Кувшинах, мартовское пиво, мёд
Душистый и вино из всех земель:
Шампанское, венгерское, мадера,
И ренское, и всякие наливки —
Короче молвить, скатерть-само-
бранка

Так отличилась, что было чудо.
Но и дубинка не лежала праздно:
Вся гвардия была за царский стол
Приглашена, вся даже городская
Полиция — дубинка молодецки
За всех одна служила: во дворце
Держала караул; она ж ходила
По улицам, чтоб наблюдать вез-
де

Порядок: кто ей пьяный нападал-
ся,

Того она толкала в спину прямо
На съезжую[13]; кого ж в пустом
где доме

За кражею она ловила, тот
Был так отишлёпан, что от во-
ровства
Навеки отрекался и вступал
В путь добродетели — дубинка,
словом,
Неимоверные во время пира
Царю, гостям и городу всему
Услуги оказала. Между тем
Всё во дворце кипело, гости ели
И пили так, что с их румяных лиц
Катился пот; тут гусли-самогу-
ды
Явили всё усердие своё:
При них не нужен был оркестр, и
гости
Уж музыки наслышались такой.
Какая никогда им и во сне
Не грезилась. Но вот, когда, на-
полнив
Вином заздравный кубок, царь Де-
мьян
Данилович хотел провозгласить
Сам многолетье новобрачным,
громко
На площади раздался трубный
звук;
Все изумились, все оторопели;

Царь с молодыми сам идёт к ок-
ну,
И что же их является очам?
Карета в восемь лошадей (трубач
С трубою впереди) к крыльцу двор-
ца
Сквозь улицу толпы народной ска-
чет;
И та карета золотая; козлы
С подушкою и бархатным покры-
ты
Намётом; назади шесть гайду-
ков;
Шесть скороходов по бокам; ли-
вреи
На них из серого сукна, по швам
Басоны[14]; на каретных дверцах
герб[15]:
В червлёном поле волчий хвост
под графской
Короною. В карету заглянув,
Иван-царевич закричал: «Да это
Мой благодетель Серый Волк!»
Его
Встречать бегом он побежал. И
точно,
Сидел в карете Серый Волк;
Иван —

Царевич, подскочив к карете,
дверцы
Сам отворил, подножку сам от-
кинул
И гостя высадил; потом он, с ним
Поцеловавшись, взял его за лапу,
Ввёл во дворец и сам его царю
Представил. Серый Волк, отдав
поклон
Царю, осанисто на задних лапах
Всех обошёл гостей, мужчин и
дам,
И всем, как следует, по компли-
менту[16]
Приятному сказал; он был одет
Отлично: красная на голове
Ермолка с кисточкой, под морду
лентой
Подвязанная; шёлковый платок
На шее; куртка с золотым ши-
тьём;

Перчатки лайковые с бахромою;
Перепоясанные тонкой шалью
Из алого атласа шаровары;
Сафьянные на задних лапах
туфли,
И на хвосте серебряная сетка

С жемчужной кистью — так был

Серый Волк
Одет. И всех своим он обхожде-
нием
Очаровал; не только что про-
стые
Дворяне маленьких чинов и сред-
них,
Но и чины придворные, статс-да-
мы
И фрейлины[17] все были от него
Как без ума. И, гостя за столом
С собою рядом посадив, Демьян
Данилович с ним кубком в кубок
стукнул
И возгласил здоровье новобрач-
ным,
И пушечный задравный грянул
залп.
Пир царский и народный продол-
жался
До тёмной ночи; а когда настала
Ночная тьма, жар-птицу на бал-
коне
В её богатой клетке золотой
Поставили, и весь дворец, и пло-
щадь,
И улицы, кипевшие народом,
Яснее дня жар-птица осветила.

И до утра столица пировала.
Был ночевать оставлен Серый
Волк;
Когда же на другое утро он,
Собравшись в путь, прощаться
стал с Иваном —
Царевичем, его Иван-царевич
Стал уговаривать, чтоб он у них
Остался на житьё, и уверял,
Что всякую получит почесть он,
Что во дворце дадут ему кварти-
ру,
Что будет он по чину в первом
классе,
Что разом все получит ордена,
И прочее. Подумав, Серый Волк
В знак своего согласия Ивану —
Царевичу дал лапу, и Иван —
Царевич так был тронут тем,
что лапу
Поцеловал. И во дворце стал
жить
Да поживать по-царски Серый
Волк.
Вот, наконец, по долгом, мирном,
славном
Владычестве премудрый царь Де-
мьян

Данилович скончался, на престол
Взошёл Иван Демьянович; с своей
Царицей он до самых поздних лет
Достигнул, и господь благословил
Их многими детьми; а Серый
Волк
Душою в душу жил с царём Ива-
ном
Демьяновичем, нянчился с его
Детьми, сам, как дитя, резвился с
ними,
Меньшим рассказывал нередко
сказки,
А старших выучил читать, пи-
сать
И арифметике, и им давал
Полезные для сердца наставле-
нья.
Вот напоследок, царствовав пре-
мудро,
И царь Иван Демьянович скончал-
ся;
За ним последовал и Серый Волк
В могилу. Но в его нашлись бума-
гах
Подробные записки обо всём,
Что на своём веку в лесу и свете
Заметил он, и мы из тех записок

Составили правдивый наш рассказ.

Спящая царевна

Жил-был добрый царь Матвей;

Жил с царицею своей
Он в согласье много лет;
А детей всё нет как нет.
Раз царица на лугу,
На зелёном берегу
Ручейка была одна;
Горько плакала она.
Вдруг, глядит, ползёт к ней рак;
Он сказал царице так:
«Мне тебя, царица, жаль;
Но забудь свою печаль;
Понесёшь ты в эту ночь:
У тебя родится дочь». —
«Благодарствуй, добрый рак;
Не ждала тебя никак...»
Но уж рак уполз в ручей,
Не слыхав её речей.
Он, конечно, был пророк;
Что сказал — сбылося в срок:
Дочь царица родила.
Дочь прекрасна так была,
Что ни в сказке рассказать,
Ни пером не описать.
Вот царём Матвеем пир
Знатный дан на целый мир;
И на пир весёлый тот
Царь одиннадцать зовёт
Чародеек молодых;

Было ж всех двенадцать их;
Но двенадцатой одной,
Хромоногой, старой, злой,
Царь на праздник не позвал.
Отчего ж так оплошал
Наш разумный царь Матвей?
Было то обидно ей.

Так, но есть причина тут:
У царя двенадцать блюд —
Драгоценных, золотых,
Было в царских кладовых;
Приготовили обед;
А двенадцатого нет!

(Кем украдено оно,
Знать об этом не дано.)

«Что ж тут делать? — царь ска-
зал. —

Так и быть!» И не послал
Он на пир старухи звать.

Собрались пировать
Гости, званные царём;

Пили, ели, а потом,
Хлебосольного царя
За приём благодаря,

Стали дочь его дарить:

«Будешь в золоте ходить;
Будешь чудо красоты;

Будешь всем на радость ты

Благонравна и тиха;
Дам красавца жениха
Я тебе, моё дитя;
Жизнь твоя пройдёт шутя
Меж знакомых и родных...»
Словом, десять молодых
Чародеек, одарив
Так дитя наперерыв,
Удалились; в свой черёд
И последняя идёт;
Но ещё она сказать
Не успела слова — глядь!
А незваная стоит
Над царевной и ворчит:
«На пиру я не была,
Но подарок принесла:
На шестнадцатом году
Повстречаешь ты беду;
В этом возрасте своём
Руку ты веретеном
Оцарапаешь, мой свет,
И умрёшь во цвете лет!»
Проворчавши так, тотчас
Ведьма скрылася из глаз;
Но оставшаяся там
Речь домолвила: «Не дам
Без пути ругаться ей
Над царевною моей;

Будет то не смерть, а сон;
Триста лет продлится он;
Срок назначенный пройдёт,
И царевна оживёт;
Будет долго в свете жить;
Будут внуки веселить
Вместе с нею мать, отца
До земного их конца».
Скрылась гостья. Царь грустит;
Он не ест, не пьёт, не спит:
Как от смерти дочь спасти?
И, беду чтоб отвести,
Он даёт такой указ:
«Запрещается от нас
В нашем царстве сеять лён,
Прясть, сучить, чтоб веретён
Духу не было в домах;
Чтоб скорей как можно прях
Всех из царства выслать вон».
Царь, издав такой закон,
Начал пить, и есть, и спать,
Начал жить да поживать,
Как дотоле, без забот.
Дни проходят; дочь растёт;
Расцвела, как майский цвет;
Вот уж ей пятнадцать лет...
Что-то, что-то будет с ней!
Раз с царицею своей

Царь отправился гулять;
Но с собой царевну взять
Не случилось им; она
Вдруг соскучилась одна
В душной горнице сидеть
И на свет в окно глядеть.
«Дай, — сказала наконец, —
Осмотрю я наш дворец».
По дворицу она пошла:
Пышных комнат нет числа;
Всем любуется она;
Вот, глядит, отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьётся лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Всходит вверх и видит — там
Старушоночка сидит;
Гребень под носом торчит;
Старушоночка прядёт
И за пряжею поёт:

«Веретёнце, не ленись;
Пряжа тонкая, не рвись;
Скоро будет в добрый час
Гостья жданная у нас».
Гостья жданная вошла;
Пряха молча подала
В руки ей веретено;

*Та взяла, и вмиг оно
Уколело руку ей...*

Всё исчезло из очей;
На неё находит сон;
Вместе с ней объемлет он
Весь огромный царский дом;
Всё утихнуло кругом;
Возвращаясь во дворец,
На крыльце её отец
Пошатнулся, и зевнул,
И с царицею заснул;
Свита вся за ними спит;
Стража царская стоит
Под ружьём в глубоком сне,
И на спящем спит коне
Перед ней хорунжий[18] сам;
Неподвижно по стенам
Мухи сонные сидят;
У ворот собаки спят;
В стойлах, головы склонив,
Пышны гривы опустив,
Кони корму не едят,
Кони сном глубоким спят;
Повар спит перед огнём;
И огонь, объятый сном,
Не пылает, не горит,
Сонным пламенем стоит;
И не тронется над ним,
Свившись клубом, сонный дым;
И окрестность со дворцом

Вся объята мёртвым сном;
И покрыл окрестность бор;
Из терновника забор
Дикий бор тот окружил;
Он навек загородил
К дому царскому пути:
Долго, долго не найти
Никому туда следа —
И приблизиться беда!
Птица там не пролетит,
Близко зверь не пробежит,
Даже облака небес
На дремучий, тёмный лес
Не навеет ветерок.
Вот уж полный век протёк;
Словно не жил царь Матвей —
Так из памяти людей
Он изгладился давно.
Знали только то одно,
Что средь бора дом стоит,
Что царевна в доме спит,
Что проспять ей триста лет,
Что теперь к ней следу нет.
Много было смельчаков
(По сказанью стариков),
В лес брались они сходить,
Чтоб царевну разбудить;
Даже бились об заклад

И ходили — но назад
Не пришёл никто. С тех пор
В неприступный, страшный бор
Ни старик, ни молодой
За царевой ни ногой.
Время ж всё текло, текло;
Вот и триста лет прошло.
Что ж случилось? В один
День весенний царский сын,
Забавляясь ловлей, там
По долинам, по полям
С свитой ловчих разъезжал.
Вот от свиты он отстал;
И у бора вдруг один
Очутился царский сын.
Бор, он видит, тёмн, дик.
С ним встречается старик.
С стариком он в разговор:
«Расскажи про этот бор
Мне, старинушка честной!»
Покачавши головой,
Всё старик тут рассказал,
Что от дедов он слышал
О чудесном боре том:
Как богатый царский дом
В нём давным-давно стоит,
Как царица в доме спит,
Как её чудесен сон,

Как три века длится он,
Как во сне царевна ждёт,
Что спаситель к ней придёт;
Как опасны в лес пути,
Как пыталася дойти
До царевны молодёжь,
Как со всяким то ж да то ж
Приключалось: попадал
В лес, да там и погибал.
Был детина удалой
Царский сын; от сказки той
Вспыхнул он, как от огня;
Шпоры втиснул он в коня;
Прянул конь от острых шпор
И стрелой помчался в бор,
И в одно мгновенье там.
Что ж явилось очам
Сына царского? Забор,
Ограждавший тёмный бор,
Не терновник уж густой,
Но кустарник молодой;
Блещут розы по кустам;
Перед витязем он сам
Расступился, как живой;
В лес въезжает витязь мой:
Всё свежо, красно пред ним;
По цветочкам молодым
Пляшут, блещут мотыльки;

Светлой змейкой ручейки
Вьются, пеняются, журчат;
Птицы прыгают, шумят
В густоте ветвей живых;
Лес душист, прохладен, тих,
И ничто не страшно в нём.
Едет гладким он путём
Час, другой; вот наконец
Перед ним стоит дворец,
Зданье — чудо старины;
Ворота отворены.
В ворота въезжает он;
На дворе встречает он
Тьму людей, и каждый спит:
Тот как вкопанный сидит;
Тот, не двигаясь, идёт;
Тот стоит, раскрывши рот:
Сном пресекся разговор,
И в устах молчит с тех пор
Недоконченная речь;
Тот, вздремав, когда-то лечь
Собрался, но не успел:
Сон волшебный овладел
Прежде сна простого им,
И, три века недвижим,
Не стоит он, не лежит
И, упасть готовый, спит.
Изумлён и поражён

Царский сын. Проходит он
Между сонными к дворцу;
Приближается к крыльцу;
По широким ступеням
Хочет вверх идти; но там
На ступенях царь лежит
И с царицей вместе спит.
Путь наверх загорожён.
«Как же быть? — подумал он. —
Где пробраться во дворец?»
Но решился наконец,
И, молитву сотворя,
Он шагнул через царя.
Весь дворец обходит он;
Пышно всё, но всюду сон,
Гробовая тишина.
Вдруг глядит: отворена
Дверь в покой; в покое том
Вьётся лестница винтом
Вкруг столба; по ступеням
Он взошёл. И что же там?
Вся душа его кипит,
Перед ним царевна спит.

Как дитя, лежит она,
Распылалася от сна;
Молод цвет её ланит[19];
Меж ресницами блестит

Пламя сонное очей;
Ночи тёмная темней,
Заплетённые косой,
Кудри чёрной полосой
Обвились кругом чела[20];
Грудь как свежий снег бела;
На воздушный, тонкий стан
Брошен лёгкий сарафан;
Губки алые горят;
Руки белые лежат
На трепещущих грудях;
Сжаты в лёгких сапожках
Ножки — чудо красотой.
Видом прелести такой

Отуманен, распалён,
Неподвижно смотрит он;
Неподвижно спит она.
Что ж разрушит силу сна?
Вот, чтоб душу насладить,
Чтоб хоть мало утолить
Жадность пламенных очей,
На колени ставши, к ней
Он приблизился лицом:
Распалительным огнём
Жарко рдеющих ланит
И дыханьем уст облит,
Он души не удержал
И её поцеловал.
Вмиг проснулася она;
И за нею вмиг от сна
Поднялося всё кругом:
Царь, царица, царский дом;
Снова говор, крик, возня;
Всё как было; словно дня
Не прошло с тех пор, как в сон
Весь тот край был погружён.
Царь на лестницу идёт;
Нагулявшись, ведёт
Он царицу в их покой;
Сзади свита вся толпой;
Стражи ружьями стучат;
Мухи стаями летят;

Приворотный лаёт пёс;
На конюшне свой овёс
Доедает добрый конь;
Повар дуёт на огонь,
И, трещя, огонь горит,
И струёю дым бежит.
Всё бывалое — один
Небывалый царский сын.
Он с царевной наконец
Сходит сверху; мать, отец
Принялись их обнимать.
Что ж осталось досказать?
Свадьба, пир, и я там был
И вино на свадьбе пил;
По усам вино бежало,
В рот же капли не попало.

Мальчик с пальчик

*Жил маленький мальчик:
Был ростом он с пальчик,
Лицом был красавчик,
Как искры глазёнки,
Как пух волосёнки.
Он жил меж цветочков;
В тени их листочков
В жары отдыхал он,
И ночью там спал он;
С зарёй просыпался,
Живой умывался
Росой, наряжался*

В листочек атласный
Лилеи прекрасной;
Проворную пчёлку
В свою одноколку
Из лёгкой скорлупки
Потом запрягал он,
И с пчёлкой летал он,
И жадные губки
С ней вместе впивал он
В цветы луговые.
К нему золотые
Цикады слетались
И с ним забавлялись,
Кружась с мотыльками,
Жужжа, и порхая,
И ярко сверкая
На солнце крылами;
Ночною ж порою,
Когда темнотою
Земля покрывалась
И в небе с луною
Одна за другою
Звезда зажигалась,
На луг благовонный
С лампадой зажжённой
Лазурно-блестящий,
К малютке являлся
Светляк; и собирался

К нему вкруговую
На пляску ночную
Рой альфов летучий;
Они — как бегучий
Источник волнами —
Шумели крылами,
Свивались, сплетались,
Проворно качались
На тонких былинках,
В перловых купались
На травке росинках,
Как искры сверкали
И шумно плясали
Пред ним до полночи.
Когда же на очи
Ему усыпленье,
Под пляску, под пенье,
Сходило — смолкали
И вмиг исчезали
Плясуньи ночные;
Тогда, под живые
Цветы угнездившись
И в сон погрузившись,
Он спал под защитой
Их кровли, омытой
Росой, до восхода
Зари лучезарной
С границы янтарной

*Небесного свода.
Так милый красавчик
Жил мальчик наш с пальчик...*

Кот в сапогах

*Жил мельник. Жил он, жил и
умер,
Оставивши своим трём сыновьям
В наследство мельницу, осла, ко-
та
И... только. Мельницу взял стар-
ший сын,
Осла взял средний; а меньшому
дали
Кота. И был он крепко недоволен
Своим участком. «Братья, — рас-*

суждал он, —
Сложившись, будут без нужды; а
я,
Изжаривши кота, и съев, и сделав
Из шкурки муфту, чем потом
начну
Хлеб добывать насущный?» Так
он вслух,
С самим собою рассуждая, думал;
А Кот, тогда лежавший на печур-
ке,
Разумное подслушав рассужденье,
Сказал ему: «Хозяин, не печалься;
Дай мне мешок да сапоги, чтоб

мог я
Ходить за дичью по болоту — сам
Тогда увидишь, что не так-то бе-
ден
Участок твой». Хотя и не совсем
Был убеждён Котом своим хозя-
ин,
Но уж не раз случалось замечать
Ему, как этот Кот искусно вёл
Войну против мышей и крыс, ка-
кие
Выдумывал он хитрости и как,
То мёртвым притворясь, висел на
лапах
Вниз головой, то пудрился мукой,
То прятался в трубу, то под ка-
душкой
Лежал, свернувшись в ком; а по-
тому
И слов Кота не пропустил он ми-
мо
Ушей. И подлинно, когда он дал
Коту мешок и нарядил его
В большие сапоги, на шею Кот
Мешок надел и вышел на охоту
В такое место, где, он ведал, мно-
го
Водилось кроликов. В мешок насы-

нав

Трухи, его на землю положил он;
А сам вблизи, как мёртвый, рас-
тянулся

И терпеливо ждал, чтобы какой
невинный,

Неопытный в науке жизни кролик
Пожаловал к мешку покушать
сладкой

Трухи; и он недолго ждал; как раз
Перед мешком его явился глупый,
Вертлявый, долгоухий кролик; он
Мешок понюхал, поморгал нозд-
рями,

Потом и влез в мешок; а Кот про-
ворно

Мешок стянул снурком[21] и без
дальнейших

Приветствий гостя угостил по-
свойски.

Победою довольный, во дворец

Пошёл он к королю и приказал,
Чтобы о нём немедля доложили.

Велел ввести Кота в свой кабинет

Король. Вошед, он поклонился в
пояс;

Потом сказал, потупив морду в
землю:

«Я кролика, великий государь,
От моего принёс вам господина,
Маркиза[22] Карабаса (так он
вздумал
Назвать хозяина); имеет честь
Он вашему величеству своё
Глубокое почтенье изъяснить
И просит вас принять его гости-
нец». —

«Скажи маркизу, — отвечал ко-
роль, —
Что я его благодарю и что
Я очень им доволен». Королю
Откланявшись, Кот пошёл до-
мой;
Когда ж он шёл через дворец, то
все
Вставали перед ним и жали лапу
Ему с улыбкой, потому что он
Был в кабинете принят королём
И с ним наедине (и, уж конечно,
О государственных делах) так
долго
Беседовал; а Кот был так учтив,
Так обходителен, что все диви-
лись
И думали, что жизнь свою провёл

*Он в лучшем обществе. Спустя
немного*

Отправился опять на ловлю Кот,
В густую рожь засел с своим меш-
ком

И там поймал двух жирных пере-
пёлок;

И их немедленно он к королю,
Как прежде кролика, отнёс в го-
стинец

От своего маркиза Карабаса.
Охотник был король до перепё-
лок;

Опять позвать велел он в каби-
нет

Кота и, перепёлок сам принявши,
Благодарить маркиза Карабаса

Велел особенно. И так наш Кот
Недели три-четыре к королю

От имени маркиза Карабаса
Носил и кроликов и перепёлок.

Вот он однажды сведал, что ко-
роль

Сбирается прогуливаться в поле
С своей дочерью (а дочь была
Красавица, какой другой на свете
Никто не видывал) и что они
Поедут берегом реки. И он,
К хозяину поспешно прибежав,
Ему сказал: «Когда теперь меня

Послушаешься ты, то будешь ра-
зом

И счастлив и богат; вся хит-
рость в том,

Чтоб ты сейчас пошёл купаться в
реку;

Что будет после, знаю я; а ты
Сиди себе в воде да полоскайся,
Да ни о чём не хлопочи». Такой
Совет принять маркизу Карабасу
Нетрудно было; день был жаркий;
он

С охотою отправился к реке,
Влез в воду и сидел в воде по горло.
А в это время был король уж
близко.

Вдруг начал Кот кричать: «Раз-
бой! Разбой!

Сюда, народ!» — «Что сдела-
лось?» — подъехав,

Спросил король. «Маркиза Караба-
са

Ограбили и бросили в реку;
Он тонет». Тут, по слову короля,
С ним бывшие придворные чины
Все кинулись ловить в воде мар-
киза.

А королю Кот на ухо шепнул:

«Я должен вашему величеству до-
нести,
Что бедный мой маркиз совсем
раздет;
Разбойники всё платье унесли».
(А платье сам, мошенник, спря-
тал в куст.)
Король велел, чтобы один из быв-
ших
С ним государственных мини-
стров снял
С себя мундир и дал его маркизу.
Министр тотчас разделся за ку-
стом;
Маркиза же в его мундир одели;
И Кот его представил королю;
И королём был ласково он при-
нят.
А так как он красавец был собою,
То и совсем не мудрено, что скоро
И дочери прекрасной королевской
Понравился; богатый же мундир
(Хотя на нём и не совсем в об-
тяжку
Сидел он, потому что брюхо было
У королевского министра) вид
Ему отличный придавал — коро-
че,

Маркиз понравился; и сестъ с со-
бой

В коляску пригласил его король;
А сметливый наш Кот во все ло-
патки

Вперёд бежать пустился. Вот
увидел

Он на лугу широком косарей,
Сбивавших сено; Кот им закри-
чал:

«Король проедет здесь; и если вы
Ему не скажете, что этот луг
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король, про-
ехав,

Спросил: «Кому такой прекрасный
луг

Принадлежит?» — «Маркизу Ка-
рабасу», —

Все закричали разом косари
(В такой их страх привёл провор-
ный Кот).

«Богатые луга у вас, маркиз», —
Король заметил. А маркиз, сми-
ренный

Принявши вид, отвечивал:
«Луга

Изрядные». Тем временем поспешно
Вперёд ушедший Кот увидел в поле
Жнецов: они в снопы вязали рожь.
«Жнецы, — сказал он, — едет
близко наш
Король. Он спросит вас: чья рожь?
И если
Не скажете ему вы, что она
Принадлежит маркизу Карабасу,
То он вас всех прикажет изрубить
На мелкие куски». Король про-
ехал.
«Кому принадлежит здесь по-
ле?» — он
Спросил жнецов. «Маркизу Кара-
басу», —
Жнецы ему с поклоном отвечали.
Король опять сказал: «Маркиз, у
вас
Богатые поля». Маркиз на то
По-прежнему отвечал сми-
ренно:
«Изрядные». А Кот бежал вперёд
И встречных всех учил, как коро-
лю
Им отвечать. Король был пора-

жён
Богатствами маркиза Карабаса.
Вот наконец в великолепный за-
мок
Кот прибежал. В том замке лю-
доед
Волшебник жил, и Кот о нём уж
знал
Всю подноготную; в минуту он
Смекнул, что делать: в замок
смело
Вошел, он попросил у людоеда
Аудиенции[23]; и людоед,
Приняв его, спросил: «Какую нуж-
ду
Вы, Кот, во мне имеете?» На это
Кот отвечал: «Почтенный людо-
ед,
Давно слух носится, что будто вы
Умеете во всякий превращаться,
Какой задумаете, вид; хотел бы
Узнать я, подлинно ль такая муд-
рость
Дана вам?» — «Это правда; сами,
Кот,
Увидите». И мигом он явился
Ужасным львом с густой, косма-
той гривой

*И острыми зубами. Кот при
этом
Так струсил, что (хоть был и в са-
погах)
В один прыжок под кровлей очу-
тился.*

*А людоед, захохотавши, принял
Свой прежний вид и попросил Ко-
та
К нему сойти. Спустившись с
кровли, Кот
Сказал: «Хотелось бы, однако,
знать мне,
Вы можете ль и в маленького зве-
ря,
Вот, например, в мышонка, пре-
вратиться?» —
«Могу, — сказал с усмешкой людое-
ед, —
Что ж тут мудрёного?» И он
явился
Вдруг маленьким мышонком.
Кот того
И ждал; он разом: цап! и съел мы-
шонка.
Король тем временем подъехал к
замку,*

*Остановился и хотел узнать,
Чей был он. Кот же, рассчитав-*

шись

С его владельцем, ждал уж у во-
рот

И в пояс кланялся, и говорил:
«Не будет ли угодно, государь,
Пожаловать на перепутье в за-
мок

К маркизу Карабасу?» — «Как,
маркиз, —

Спросил король, — и этот замок
вам же

Принадлежит? Признаться, удив-
ляюсь;

И будет мне приятно побывать в
нём».

И приказал король своей коляске
К крыльцу подъехать; вышел из
коляски;

Принцессе ж руку предложил мар-
киз;

И все пошли по лестнице высокой
В покои. Там в пространной гале-
рее

Был стол накрыт и полдник при-
готовлен.

(На этот полдник людоед позвал
Прятелей, но те, узнав, что в
замке

Король был, не вошли и все домой
Отправились.) И, сев за стол роскошный,
Король велел маркизу сесть меж
ним
И дочь; и стали пировать.
Когда же в голове у короля
Вино позашумело, он маркизу
Сказал: «Хотите ли, маркиз,
чтоб дочь
Мою за вас я выдал?» Честь та-
кую
С неимоверной радостью принял
Маркиз. И свадьбу вмиг сыграли.
Кот
Остался при дворе и был в чины
Произведён; и в бархатных являл-
ся
В дни табельные[24] сапогах. Он
бросил
Ловить мышей, а если и ловил,
То это для того, чтобы немного
Себя развлечь и сплин[25], кото-
рый нажил
Под старость при дворе, воспоми-
наньем
О светлых днях минувшего рассе-
ять.

Война мышей и лягушек
(Отрывок)

Слушайте; я расскажу вам, друзья,
про мышей и лягушек.
Сказка ложь, а песня быль, говорят нам;
но в этой сказке моей найдётся и правда.
Милости ж просим
тех, кто охотник в досужный часок
пошутить, посмеяться,
сказки послушать; а тех, кто любит
смотреть исподлобья,
всякую шутку считая за грех,
мы просим покорно
к нам не ходить и дома сидеть да
высиживать скуку.
Было прекрасное майское утро.
Квакун двадесятый,
царь знаменитой породы, властитель
ближней трясины,
вышел из мокрой столицы своей,
окружённый блестящей
свитой придворных. Вприпрыжку
они взобрались

на пригорок,
сочной травой покрытый, и там,
на кочке усевшись,
царь приказал из толпы его окружавших
почётных

Стражей вызвать бойцов, чтоб
его, царя, забавляли
Боем кулачным. Вышли бойцы;
началось; уж много
Было лягушечьих морд царю в уго-
ждение разбито;
Царь хохотал; от смеха придвор-
ная квакала свита
Вслед за его величеством; солнце
взошло уж на полдень.
Вдруг из кустов молодец в пре-
красной беленькой шубке,
С тоненьким хвостиком, ост-
рым, как стрелка,

на

тоненьких ножках
Выскочил; следом за ним четыре
таких же, но в шубах
Дымного цвета. Рысцой они под-
бежали к болоту.
Белая шубка, носик в болото
уткнув и поднявши
Правую ножку, начал воду тя-
нуть, и казалось,
Был для него тот напиток при-
ятнее мёда; головку
Часто он вверх подымал, и вода с
усатого рыльца

Мелким бисером падала; вдоволь
напившись и лапкой
Рыльце обтёрши, сказал он: «Ка-
кое раздолье студёной
Выпить воды, утомившись от
зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовал Дарий, когда
он, в бегстве из мутной
Лужи напившись, сказал: „Я не
знаю вкуснее напитка!“»
Эти слова одна из лягушек под-
слушала; тотчас
Скачет она с донесеньем к царю:
из леса-де вышли
Пять каких-то зверьков, с усами
турецкими, уши
Длинные, хвостики острые, лапки
как руки; в осоку
Все они побежали и царскую воду
в болоте
Пьют. А кто и откуда они, неиз-
вестно. С десятком
Стражей Квакун посылает хорун-
жего Пышку проведать,
Кто незваные гости; когда непри-
ятели — взять их,
Если дадутся; когда же соседи,
пришедшие с миром, —

Дружески их пригласить к царю
на беседу. Сошедши
Пышка с холма и увидя гостей, в
минуту узнал их:

«Это мыши; не важное дело! Но
мне не случилось
Белых меж ними видать, и это
мне чудно. Смотрите ж, —
Спутникам тут он сказал: — ни-
кого не обидеть.

Я с ними
Сам на словах объяснюся. Увидим,
что скажет мне белый».
Белый меж тем с удивленьем ве-
ликим смотрел,

приподнявши,
Уши, на скачущих прямо к нему с
пригорка лягушек;
Слуги его хотели бежать, но он
удержал их,
Выступил бодро вперёд и ждал
скакунов; и как скоро
Пышка с своими к болоту прибли-
зился: «Здравствуй,

*чтенный
Воин, — сказал он ему. — Прошу*

не взыскать, что без

спросу

Вашей воды напился я; мы все от охоты устали;

В это же время здесь никого не нашлось; благодарны

Очень мы вам за прекрасный напиток; и сами готовы

Равным добром за ваше добро заплатить: благодарность

Есть добродетель возвышенных душ». Удивлённый такою

Умною речью, ответствовал

Пышка: «Милости просим

К нам, благородные гости; наш царь, о прибытии вашем

Сведав, весьма любопытен узнать, откуда вы родом,

Кто вы и как вас зовут. Я послан сюда пригласить вас

С ним на беседу. Рады мы очень, что вам показалась

Наша по вкусу вода; а платы не требуем: воду

Создал господь для всех на потребу, как воздух

и солнце».
Белая шубка учтиво ответство-
вал: «Царская воля
Будет исполнена; рад я к его вели-
честву с вами
Вместе пойти, но только сухим
путём, не водою;
Плавать я не умею; я царский сын
и наследник
Царства мышиноного». В это мгно-
венье, спустившись

с пригорка,
Царь Квакун со свитой своей при-
ближался. Царевич
Белая шубка, увидя царя с такою
толпою,
Несколько струсил, ибо не ведал,
доброе ль, злое ль
Было у них на уме. Квакун отли-
чался зелёным
Платьем, глаза навывкат сверка-
ли, как звёзды, и пузом
Громко он, прядая, шлёпал. Царе-
вич Белая шубка,
Вспомнивши, кто он, робость
свою победил. Величаво
Он поклонился царю Квакуну. А

царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказал: «Лю-
безному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни;
ты из дальнего, верно,
Края, ибо до сих пор тебя нам ви-
дать не случилось».
Белая шубка, царю поклоняся
опять, на зелёной
Травке уселся с ним рядом; а царь
продолжал:

«Расскажи нам:
Кто ты? кто твой отец? кто
мать? и откуда пришёл

к нам?

Здесь мы тебя угостим друже-
любно, когда, не таяся,
Правду всю скажешь: я царь и
много имею богатства;
Будет нам сладко почтить доро-
гого гостя дарами». —
«Нет никакой мне причины, —
ответствовал Белая

шубка, —

Царь-государь, утаивать истину.

Сам я породы
Царской, весьма на земле знаме-
нитой, отец мой из дома
Древних воинственных Бубликов,
царь Долгохвост
Иринарий Третий; владеет пятью
чердаками, наследием славных
Предков, но область свою он сам
расширил войнами:
Три подполья, один амбар и две
трети ветчинни[26]
Он покори́л, победивши соседних
царей; а в супруги
Взявши царевну Прасковью Писку-
ню белую шкурку,
Целый овин получил он за нею в
приданое. В свете
Нет подобного царства. Я сын ца-
ря Долгохвоста,
Пётр Долгохвост, по прозванию
Хват. Был я воспитан
В нашем столичном подполье
премудрым Онуфрием-крысой.
Мастер я рыться в муке, тас-
кать орехи; вскребаюсь
В сыр, и множество книг уж из-
грыз, любя просвещение.
Хватом же прозван я вот за ка-

кое смелое дело:
Раз случилось, что множество
нас, молодых мышеняток,
Бегало по полю взапуски; я как
шальной, раззадорясь,
Вспрыгнул с разбегу на льва, от-
дыхавшего в поле,

и в пышной
Гриве запутался; лев проснулся и
лапой огромной
Стиснул меня; я подумал, что бу-
ду раздавлен, как мошка.
С духом собравшись, я высунул нос
из-под лапы;
„Лев-государь, — ему я сказал, —
мне и в мысль

не входило
Милость твою оскорбить; поща-
ди, не губи; не ровён час,
Сам я тебе пригожуся“. Лев улыб-
нулся (конечно,
Он уж покушать успел) и сказал
мне: „Ты, вижу,

забавник.
Льву услужить ты задумал. Доб-

ро, мы посмотрим, какую
Милость окажешь ты нам? Сту-
пай“. Тогда он раздвинул
Лапу; а я давай бог ноги; но вот
что случилось:

Дня не прошло, как все мы испуга-
ны были в подпольях

Наших львиным рыканьем; сму-
тилась, как будто от бури,

Вся сторона; я не струсил; выбе-
жал в поле и что же

В поле увидел? Царь Лев, запутав-
шись в крепких тенётах[27]

Мечется, бьётся, как бешеный;
кровью глаза налились,

Лапами рвёт он верёвки, зубами
грызёт их; и было

Всё то напрасно; лишь боле себя
он запутывал. „Видишь,

Лев-государь, — сказал я ему, —
что и я пригодился.

Будь спокоен, в минуту тебя мы
избавим“. И тотчас

Созвал я дюжину ловких мышат;
принялись мы работать

Зубом; узлы перегрызли тенёт, и
Лев распутлялся.

Важно кивнув головою косматой

и нас допустивши
К царской лапе своей, он гриву рас-
правил, ударил
Сильным хвостом по бедрам и в
три прыжка очутился
В ближнем лесу, где вмиг и про-
пал. По этому делу
Прозван я Хватом, и славу свою
поддержать я стараюсь;
Страшного нет для меня ничего;
я знаю, что смелым
Бог владеет. Но должно, однако,
признаться, что всюду
Здесь мы встречаем опасность;
так бог уж землю устроил.
Всё здесь воюет: с травой Овца, с
Овцою голодный
Волк, Собака с Волком, с Собакой
Медведь,

а

с Медведем
Лев; Человек же и Льва, и Медведя,
и всех побеждает.
Так и у нас, отважных Мышей,
есть много опасных,
Сильных гонителей: Совы, Ла-
сточки, Кошки, а всех их
Злее козни людские. И тяжело под-

час нам приходит.
Я, однако, спокоен; я помню, что
мне мой наставник
Мудрый, крыса Онуфрий, твердил:
беды нас смирению
Учат. С верой такою ничто не бе-
да. Я доволен
Тем, что имею: счастью рад, а в
несчастье не хмурюсь».
Царь Квакун со вниманием слу-
шал Петра Долгохвоста.
«Гость дорогой, — сказал он
ему, — признаюсь

откровенно:
Столь разумные речи меня в
изумленье приводят.
Мудрость такая в такие цветущие
лета! Мне сладко
Слушать тебя: и приятность и
польза! Теперь опиши мне
То, что случилось когда с мышши-
ным вашим народом,
Что от врагов вы терпели и с кем
когда воевали». —
«Должен я прежде о том расска-
зать, какие нам козни
Строит[28] наш хитрый двуногий

злодей, Человек. Он ужасно
Жаден; он хочет всю землю загра-
бить один и с Мышами
В вечной вражде. Не исчислить
всех выдумок хитрых,

какими

Наше он племя избыть замышля-
ет. Вот, например, он
Домик затеял построить: два
входа, широкий и узкий;
Узкий заделан решёткой, широ-
кий — с подъёмною дверью.
Домик он этот поставил у само-
го входа в подполье.
Нам же сдуру на мысли взбрело,
что, поладить
С нами желая, для нас учредил он
гостиницу. Жирный
Кус ветчины там висел и манил
нас; вот целый десяток
Смелых охотников вызвались в
домик забраться, без платы
В нём отобедать и верные вести
принести нам.
Входят они, но только что нача-
ли дружно висячий
Кус ветчины тормошить, как

подъёмная дверь

с превеликим
Стуком упала и всех их захлопнула. Тут поразило
Страшное зрелище нас: увидели
мы, как злодеи
Наших героев таскали за хвост и
в воду бросали.
Все они пали жертвой любви к
ветчине и к отчизне.
Было нечто и хуже. Двуногий злодей
наготовил
Множество вкусных для нас пирожков
и расклатал их,
Словно как добрый, по всем закоулкам;
народ наш
Очень доверчив и ветрен; мы ласкомки;
бросилась жадно
Вся молодёжь на добычу. Но что же
случилось? Об этом
Вспомнить — мороз подирает по
коже! Открылся

в подполье
Мор; отравой злодей угостил нас.
Как будто шальные,
С пиру пришли удальцы: глаза на-

выкат, разинув
Рты, умирая от жажды, взад и
вперёд по подполью
Бегали с писком они, родных, дру-
зей и знакомых
Боле не зная в лицо; наконец, уто-
мясь, обессилов,
Все попадали мёртвые лапками
вверх; запустела
Целая область от этой беды; от
ужасного смрада
Трупов ушли мы в другое подпо-
лье, и край наш родимый
Надолго был обезмышен. Но глав-
ное бедствие наше
Ныне в том, что губитель двуно-
гий крепко сдружился,
Нам ко вреду, с сибирским котом,
Федотом Мурлыкой.
Кошачий род давно враждует с
мышиным. Но этот
Хитрый котище Федот Мурлыка
для нас наказанье
Божие. Вот как я с ним познако-
мился. Глупым мышонком
Был я ещё и не знал ничего. И мне
захотелось
Высунуть нос из подполья. Но

мать-царица Прасковья
С крысой Онуфрием крепко-на-
крепко мне запретили
Норку мою покидать; но я не по-
слушался, в щёлку
Выглянул: вижу камнем вы-
стланный двор; освещало
Солнце его, и окна огромного до-
ма светились;
Птицы летали и пели. Глаза у ме-
ня разбежались.
Выйти не смея, смотрю я из щёл-
ки и вижу, на дальнем
Крае двора зверок усастый, сизая
шкурка,
Розовый нос, зелёные глазки, пу-
шистые уши,
Тихо сидит и за птичками смотрит;
а хвостик, как змейка,
Так и виляет. Потом он своею
бархатной лапкой
Начал усастое рыльце себе умы-
вать. Облилося
Радостью сердце моё, и я уж сби-
рался покинуть
Щёлку, чтоб с милым зверьком
познакомиться. Вдруг

зашумело
Что-то вблизи; оглянувшись, так
я и обмер. Какой-то
Страшный урод ко мне подходил;
широко шагая,
Чёрные ноги свои подымал он, и
когти кривые
С острыми шпорами были на них;
на уродливой шее
Длинные косы висели змеями; нос
крючковатый;
Под носом трясся какой-то мох-
натый мешок, и как будто
Красный с зубчатой верхушкой
колпак, с головы

перегнувшись,
По носу бился, а сзади какие-то
длинные крючья,
Разного цвета, торчали снопом.
Не успел я от страха
В память прийти, как с обоих бо-
ков поднялись у уroda
Словно как парусы, начали хло-
пать, и он, раздвоивши
Острый нос свой, так заорал, что
меня как дубиной
Треснуло. Как прибежал я назад в

подполье, не помню.
Крыса Онуфрий, услышав о том,
что случилось со мною,
Так и ахнул. «Тебя помиловал
бог, — он сказал мне: —
Свечку ты должен поставить
уроду, который так кстати
Криком своим тебя испугал; ведь
это наш добрый
Сторож-петух; он горлан и с свои-
ми большой забияка;
Нам же, мышам, он приносит и
пользу: когда закричит он,
Знаем мы все, что проснулись на-
ши враги; а приятель,
Так обольстивший тебя своей ли-
цемерною харей,
Был не иной кто, как наш злодей
записной, объедало
Кот Мурлыка; хорош бы ты был,
когда бы с знакомством
К этому плуту подъехал: тебя б
он порядком погладил
Бархатной лапкой своею; будь же
вперёд осторожен».
Долго рассказывать мне об этом
проклятом Мурлыке;
Каждый день от него у нас недо-

чѣт. Расскажу я
Только то, что случилось недав-
но. Разнёсся в подполье
Слух, что Мурлыку повесили На-
ши лазутчики[29] сами
Видели это глазами своими.
Вскружилось подполье;
Шум, беготня, пискотня, скака-
нье, кувырканье, пляска, —
Словом, мы все одурели, и сам
мой Онуфрий премудрый
С радости так напился, что по-
дрался с царицей и в драке
Хвост у неё откусил, за что был и
высечен больно.
Что же случилось потом? Не раз-
ведавши дела порядком,
Вздумали мы kota погребать, и
надгробное слово
Тотчас поспело. Его сочинил поэт
наш подпольный
Клим, по прозванью Бешеный
Хвост; такое прозвание
Дали ему за то, что, стихи чи-
тая, всегда он
В меру вилял хвостом, и хвост,
как маятник, стучал.
Всё изготовив, отправились мы

на поминки к Мурлыке;
Вылезло множество нас из подполья; глядим мы,

и вправду
Кот Мурлыка в ветчинне висит
на бревне, и подвешен
За ноги, мордою вниз; оскалены
зубы; как палка,
Вытянут весь; и спина, и хвост, и
передние лапы
Словно как мёрзлые; оба глаза
глядят не моргая.

Все запищали мы хором: «Повешен Мурлыка, повешен
Кот окаянный; довольно ты, кот,
погулял; погуляем
Нынче и мы». И шесть смельчаков
тотчас взобрались
Вверх по бревну, чтоб Мурлыкины
лапы распутать, но лапы
Сами держались, когтями вцепившись
в бревно, а верёвки
Не было там никакой, и лишь
только к ним прикоснулись
Наши ребята, как вдруг распустились
когти, и на пол

*Хлопнулся кот, как мешок. Мы
все по углам разбежались*

*В страхе и смотрим, что будет.
Мурлыка лежит*

*и не дышит,
Ус не тронется, глаз не моргнёт;
мертвец, да и только.
Вот, ободрясь, из углов мы к нему
подступать понемногу
Начали; кто посмелее, тот дёр-
нет за хвост, да и тягу
Даст от него; тот лапкой ему по-
грозит; тот подразнит
Сзади его языком; а кто ещё по-
смелее,
Тот, подкравшись, хвостом в носу
у него пощекочет, —
Кот ни с места, как пень. «Береги-
тесь, — тогда нам*

*сказала
Старая мышь Степанида, кото-
рой Мурлыкины когти
Были знакомы (у ней он весь зад
ободрал, и насилу
Как-то она от него уплела), — бе-
регитесь: Мурлыка
Старый мошенник; ведь он висел
без верёвки, а это*

Знак недобрый; и шкурка цела у
него». То услыша,
Громко мы все засмеялись. «Смей-
тесь, чтоб после

не плакать, —
Мышь Степанида сказала
опять, — а я не товарищ
Вам». И поспешно, созвав мышен-
няток своих, убралася
С ними в подполье она. А мы при-
нялись как шальные
Прыгать, скакать и кота тормо-
шить. Наконец, поуставши,
Все мы уселись в кружок перед
мордой его, и поэт наш
Клим, по прозванию Бешеный
Хвост, на Мурлыкино пузо
Взлезши, начал оттуда читать
нам надгробное слово,
Мы же при каждом стихе хохо-
тали. И вот что прочёл он:
«Жил Мурлыка; был Мурлыка кот
сибирский,
Рост богатырский, сизая шкурка,
усы как у турка;
Был он бешен, на краже помешан,
за то и повешен,

Радуйся наше подполье!..» Но
только успел проповедник
Это слово промолвить, как вдруг
наш покойник очнулся.
Мы бежать... Куда ты! пошла
ужасная травля.
Двадцать из нас осталось на ме-
сте, а раненых втрое
Более было. Тот воротился с обо-
дранным пузом,
Тот без уха, другой с отъеденной
мордой; иному
Хвост был оторван; у многих так
страшно искусаны были
Спины, что шкурки мотались,
как тряпки; царицу

Прасковью
Чуть успели в нору уволочь за зад-
ние лапки;
Царь Иринарий спасся с рубцом на
носу; но премудрый
Крыса Онуфрий с Климом-поэтом
достались Мурлыке
Прежде других на обед. Так кон-
чился пир наш бедою».

.....

Одиссей в пещере циклопа
(Из поэмы «Одиссея»)

Автор «Одиссеи» — легендарный поэт Древней Греции Гомер. Он жил более двух с по-

ловиной тысяч лет тому назад. «Одиссея» рассказывает нам о сказочно-фантастических, увлекательных приключениях царя острова Итаки — хитроумного Одиссея.

В глубокой древности в Малой Азии, близ Средиземного моря, находилось богатое Троянское царство. В течение многих лет греки тщетно пытались покорить столицу этого царства — славный город Трою. Лишь с помощью хитрости, предложенной Одиссеем, на десятом году войны грекам удалось наконец овладеть Троей.

Разрушив Трою, греческие воины направились домой, в Грецию. Однако неожиданные препятствия и приключения на многие годы задержали их в пути.

Только через десять лет Одиссей — главный герой поэмы, отважный путешественник, моряк и неутомимый искатель приключений — попал в Итаку, в родной свой дом.

Где только не побывал Одиссей за эти годы! Он посетил Фракию — страну, населённую мстительными киконами. Приплыл он и в Страну Пожирателей Лотоса, замечательную тем, что в ней росли «сладкомедвяные»

лотосы, отведав которых человек тотчас терял память и проникался лишь одним желанием: навсегда остаться в этой стране и вкушать «сладкомедвяные» цветы. Силою пришлось Одиссею притащить своих спутников, не желавших покидать страну лотосов, на корабль и крепко привязать их к корабельным скамьям, для того чтобы они не сбежали обратно на землю.

Побывал Одиссей и на острове Эола — повелителя ветров. Эол подарил Одиссею стянутый серебряной нитью мешок, заключавший в себе буреносные ветры. Когда корабли, на которых плыли Одиссей и его спутники, уже приближались к берегам родного острова Итаки, любопытные спутники Одиссея захотели узнать содержимое кожаного мешка и, развязав его, нечаянно выпустили из него ветры. Ветры тотчас подняли на море жестокую бурю, занёсшую корабли Одиссея вновь в неведомое море.

И начался для Одиссея и его спутников новый круг испытаний и приключений.

Морские волны прибывают их остроносые корабли к земле свирепых великанов-людо-

едов — лестригонов. Немало кораблей и спутников Одиссея погибло у берегов этой земли.

Однажды пристали они к острову злой волшебницы Цирцеи. Цирцея превратила спутников Одиссея в стадо хрюкающих свиней. Однако избегнувший колдовства Одиссей добился того, что она сняла с них свои чары и вновь вернула им человеческий облик.

Побывали Одиссей и его спутники и на самом краю света, в мрачной области Аида, где, по верованиям греков, жили тени умерших героев.

Каких только опасностей и препятствий не встречали они на многодневном своём и трудном пути в родную Грецию!

Неизбежной, казалось, гибелью грозил путешественникам Остров Сирен. Сирены чарующим своим пением завлекали моряков в морские глубины и на прибрежные скалы. Только благодаря предусмотрительности Одиссея им удалось избежать неминуемой смерти: он велел всем своим спутникам плотно залепить себе уши воском, а самого себя крепко привязать канатами к мачте ещё задолго до того, как они поравнялись с Остро-

вом Сирен.

Разнообразны и занимательны приключения Одиссея и его спутников, рассказанные в поэме Гомера «Одиссея». Её с увлечением читают миллионы людей: «Одиссея» давно уже переведена на большинство языков мира.

На русский язык поэма была впервые переведена В. А. Жуковским.

«Одиссея» не только занимательная, рассказывающая о сказочно-фантастических приключениях повесть — она знакомит нас и с событиями из истории Древней Греции, с чудесными древнегреческими преданиями, с обычаями и нравами тогдашних людей.

Ниже вы прочтёте отрывок из девятой песни «Одиссеи» (всего в ней двадцать четыре песни). В нём рассказывается о приключениях Одиссея и двенадцати его спутников на острове свирепых одноглазых великанов-циклопов.

* * *

*Далее поплыли мы, сокрушённые
сердцем, и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не
знающих правды циклопов.*

Там беззаботно они, под защитой
бессмертных[30] имея
Всё, ни руками не сеют, ни плугом
не пахут; земля там
Тучная щедро сама без паханья и
сева даёт им
Рожь, и пшено, и ячмень, и рос-
кошных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион
[31] дождём оплодждает.
Нет между ними ни сходбищ на-
родных, ни общих советов;
В тёмных пещерах они иль на гор-
ных вершинах высоких
Вольно живут; над женой и
детьми безотчётно там каждый
Властвует, зная себя одного, о
других не заботясь.
Есть островок там пустынный и
дикий; лежит он на тёмном
Лоне морском, ни далёко, ни близ-
ко от берега циклопов,
Лесом покрытый; в великом там
множестве дикие козы
Водятся; их никогда не тревожил
шагов человека
Шум; никогда не заглядывал к
ним звероловец, за — дичью

С тяжким трудом по горам кру-
тобоким со псами бродящий;
Там не пасутся стада и земли не
касаются плуги;
Там ни в какие дни года ни сеют,
ни пашут; людей там
Нет; без боязни там ходят одни
тонконогие козы,
Ибо циклопы ещё кораблей крас-
ногрудых не знают;
Нет между ними искусников,
опытных в хитром строенье
Крепких судов, из которых бы
каждый, моря обтекая,
Разных народов страны посещал,
как бывает, что ходят
По морю люди, с другими людьми
дружелюбно знакомясь.
Дикий тот остров могли обра-
тить бы в цветущий циклопы;
Он не бесплоден; там всё бы рос-
кошно рождалось к сроку;
Сходят широкой отлогостью к
морю луга там густые,
Влажные, мягкие; много б везде
разрослось винограда;
Плугу легко покоряся, поля бы по-
крылись высокой

Рожью и жатва была бы на тучной земле изобильна.
Есть там надёжная пристань, в которой не нужно ни тяжкий Якорь бросать, ни канатом привязывать шаткое судно;
Может оно простоять безопасно там, сколько захочет
Плаватель сам иль пока не подымет ветер попутный.
В самой вершине залива прозрачно ввергается в море
Ключ, из пещеры бегущий под сению тополей чёрных.
В эту мы пристань вошли с кораблями; в ночной темноте нам
Путь указал благодетельный демон: был остров невидим;
Влажный туман окружал корабли: не светила Селена[32]
С неба высокого; тучи его покрывали густые:
Острова было нельзя различить нам глазами во мраке;
Видеть и длинных, широко на берег отлогий бегущих
Волн не могли мы, пока корабли не коснулись берега.

Но лишь коснулись берега они, па-
руса мы свернули;
Сами же, вышед на брег, поражае-
мый шумно волнами,
Сну предались в ожиданье восхода
на небо денницы.
Вышла из мрака младая с перста-
ми пурпурными Эос[33];
Весь обошли с удивленьем вели-
ким мы остров пустынный;
Нимфы[34] же, дочери Зевса-эги-
додержавца[35], пригнали
Коз, обвеваемых ветрами гор для
богатой нам пищи;
Гибкие луки, охотничьи лёгкие ко-
пья немедля
Взяли с своих кораблей мы и, на
три толпы разделяся,
Начали битву; и бог благосклон-
ный великой добычей
Нас наградил: все двенадцать мо-
их кораблей запасли мы;
Девять на каждый досталось по
жеревью коз; для себя же
Выбрал я десять. И целый мы
день до вечернего мрака
Ели прекрасное мясо и сладким
вином утешались,

Ибо ещё на моих кораблях золо-
того довольно
Было вина: мы наполнили много
скудельных сосудов
Сладким напитком, разрушивши
город священный киконов[36].
С острова ж в области близкой
циклонов нам ясно был виден
Дым; голоса их, бляенье их коз и
баранов могли мы
Слышать. Тем временем солнце
померкло и тьма наступила.
Все мы заснули под говором волн,
ударяющих в берег.
Вышла из мрака молодая с перста-
ми пурпурными Эос;
Верных товарищей я на совет при-
гласил и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь
без меня оставайтесь;
Я же, с моим кораблём и моими
людьми удаляясь,
Сведать о том попытаюсь, какой
там народ обитает:
Дикий ли, нравом свирепый, не
знающий веры и правды
Или приветливый, богобоязнен-
ный, гостеприимный».

Так я сказал и, вступив на ко-
рабль, повелел, чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и ка-
нат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши
на лавках у вёсел,
Разом могучими вёслами вспени-
ли — тёмные воды.
К берегу близкому скоро пристав
с кораблём, мы открыли
В крайнем, у самого моря стояв-
шем утёсе пещеру,
Густо одетую лавром, простран-
ную, где собирался
Мелкий во множестве скот; там
высокой стеной из огромных,
Грубо набросанных камней был
двор обведён, и стояли
Частым забором вокруг черно-
главые дубы и сосны.
Муж великанского роста в пещере
той жил; одиноко
Пас он баранов и коз и ни с кем из
других не водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого
не ведал закона;
Видом и ростом чудовищным в
страх приводя, он несходен

Был с человеком, вкушающим
хлеб, и казался лесистой.
Дикой вершиной горы, над други-
ми воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел
я остаться на бреге
Близ корабля и его сторожить
неусыпно; с собой же
Взявши двенадцать надёжных и
самых отважных, пошёл я
С ними; и мы запаслися вина дра-
гоценного полным мехом...
Если когда тем пурпурно-медвя-
ным вином насладиться
В ком пробуждалось желанье, то,
в чашу его нацедивши,
В двадцать раз боле воды подбав-
ляли, и запах из чаши
Был несказанный: не мог тут ни-
кто от питья воздержаться.
Взял я с собой тем напитком на-
полненный мех и съестного
Полный кошель: говорило мне ве-
щее сердце, что встречу
Страшного мужа чудовищной си-
лы, свирепого нравом,
Чуждого добрым обычаям, чуж-
дого вере и правде.

Шагом поспешным к пещере при-
близились мы, но его в ней
Не было; коз и баранов он нас на
лугу недалёком.

Начали всё мы в пещере про-
странной осматривать; много
Было сыров в тростниковых кор-
зинах, в отдельных закутах
Заперты были козлята, барашки,
по возрастам разным в порядке
Там размещённые: старшие с
старшими, средние подле
Средних и с младшими младшие;
вёдра и чаши

Были до самых краёв налиты про-
стоквашей густою.

Спутники стали меня убеждать,
чтоб, запасишься сырами,
Боле я в страшной пещере не мед-
лил, чтоб все мы скорее,

Взявши в закутах отборных коз-
лят и барашков, с добычей

Нашей на быстрый корабль убе-
жали и в море пустились.

Я, на беду, отказался полезный со-
вет их исполнить;

Видеть его мне хотелось в надеж-
де, что, нас угостивши,

Даст нам подарок; но встретиться с ним не на радость нам было.

Яркий огонь разложив, совершили мы жертву; добывши сыру потом и насытив свой голод, остались в пещере ждать, чтоб со стадом в неё возвратился хозяин. И скоро с ношею дров, для варенья вечерней пищи, явился он и со стуком на землю дрова перед входом пещеры бросил; объятые страхом, мы спрятались в угол; пригнавши стадо откормленных коз и волнистых баранов к пещере, маток в неё он впустил, а самцов, и козлов и баранов, прежде от них отделив, на дворе перед входом оставил. Кончив, чтоб вход заградить, несказанно великий с земли он камень, который и двадцать два воза четырёхколёсных с места б не сдвинули, поднял: подобен скале необъятной был он; его подхвативши и вход

им пещеры задвинув,
Сел он и маток доить принялся
надлежащим порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую
матку её он
Клал сосуна. Половину отлив мо-
лока в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно
огустело для сыра;
Всё ж молоко остальное разлил
но сосудам, чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с
пажити стадо пригнавши.
Кончив с заботливым спехом ра-
боту свою, наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел
и грубо сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда при-
шли водяною дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела
скитаетесь всюду,
Взад и вперёд по морям, как до-
бычники вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды при-
ключая народам?»
Так он сказал нам; у каждого за-
мерло милое сердце:
Голос гремящий и образ чудовища

в трепет привёл нас.

Но, ободрясь, напоследок ответ-

становал так я циклопу:
«Все мы ахейцы[37]; плывём от
далёкия Трои; сюда же
Бурею нас принесло по волнам бес-
предельного моря.
В милую землю отцов возвраща-
ясь, с прямого пути мы
Сбились; так было, конечно, угод-
но могучему Зевсу.
Ныне к коленам припавши твоим,
мы тебя умоляем
Нас, бесприютных, к себе друже-
любно принять и подарок
Дать нам, каким завсегда на про-
щанье гостей наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришель-
цы, мы ищем покрова;
Мстит за пришельцев отвержен-
ных строго небесный Кронион,
Бог-гостелюбец, священного
странника вождь и заступник».
Так я сказал; с неописанной зло-
стью циклоп отвечал мне:
«Видно, что ты издалёка иль во-
все безумен, пришелец,
Если мог вздумать, что я побо-
юсь иль уважу бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в

боге Зевесе, ни в прочих
Ваших блаженных богах; мы поро-
дой их всех знаменитей;
Страх громовержца Зевеса раз-
гневать, меня, не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как
мне самому то угодно.
Ты же теперь мне скажи, где ко-
рабль, на котором пришли вы
К нам? Далеко ли иль близко от-
сюда стоит он? То ведать
Должен я». — Так, искушая, он
хитро спросил. Остерёгшись,
Хитрыми сам я словами ответ-
ствовал злому циклопу:
«Бог Посидон[38], колебатель зем-
ли, мой корабль уничтожил,
Бросив его недалёко от здешнего
берега на камни
Мыса крутого, и бурное море об-
ломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от
смерти спастись удалось».
Так я сказал, и, ответа не дав ни-
какого, он быстро
Прянул, как бешеный зверь, и,
огромные вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как ще-

нят, подхватил и ударил
Оземь; их череп разбился; обрыз-
гало мозгом пещеру.
Он же, обеих рассекши на части,
из них свой ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев,
разъяряемый голодом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска,
ни утроб не оставив.
Мы, святотатного дела свидете-
ли, руки со стоном
К Дию отцу подымали; наш ум по-
мутился от скорби.
Чрево наполнив своё человеческим
мясом и свежим
Страшную пищу запив молоком,
людоед беззаботно
Между козлов и баранов на голой
земле растянулся.
Тут подошёл я к нему с дерзновен-
ным намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чу-
довищу мстящую медью
Тело в том месте пронзить, где
под грудью находится печень.
Меч мой уж был занесён; но иное
на мысли пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постиг-

нула верная гибель:
Все совокупно мы были б не в си-
лах от входа пещеры
Слабою нашей рукою тяжёлой
скалы отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали яв-
ленья божественной Эос:
Вышла из мрака молодая с перста-
ми пурпурными Эос.
Встал он; огонь разложил и до-
ить принялся по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую
матку её он
Клал сосуна; окончив с заботли-
вым спехом работу,
Снова из нас он похитил двоих на
ужасную пищу.
Съев их, он выгнал шумящее ста-
до из тёмной пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши
утёс приворотный, им двери
Снова он запер, как лёгкою кров-
лей колчан запирают.
С свистом погнал он на горное
пастбище тучное стадо.
Я ж, в заключение оставленный,
начал выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и мо-

лил о защите Палладу[39].
Вот что, размыслив, нашёл нако-
нец я удобным и верным:
В козьей закуте стояла дубина
циклопова, свежий
Ствол им обрубленной маслины
дикой; его он, очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб
после гулять с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая
на многовесельном,
С грузом товаров моря обтекаю-
щем судне бывает;
Был он, конечно, как мачта дли-
ной, толщиной и весом.
Взявши тот ствол и мечом от
него отрубивши три локтя[40],
Выгладить чисто отрубок велел
я товарищам; скоро
Выглажен был он; своею рукою
его заострил я;
После, обжегши на угольях ост-
рый конец, мы поспешно
Кол, приготовленный к делу, за-
рыли в навозе, который
Кучей огромной набросан был в
смрадной пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я сопут-

ников жеребий кинуть,
Кто между ними колом обо-
жжённым поможет пронзить
мне

Глаз людоеду, как скоро глубоко-
му сну он предастся.

Жеребий дал четырёх мне и са-
мых надёжных, которых
Сам бы я выбрал, и к ним я при-
стал не по жеребью пятый.

Вечером, жирное стадо гоня, лю-
доед возвратился;

Но, отворивши пещеру, в неё он
уж полное стадо

Ввёл, не оставив на внешнем дво-
ре ни козла, ни барана

(Было ли в нём подозренье иль де-
мон его надоумил).

Снова пещеру задвинув скалой
необъятно тяжёлой,

Сел он и маток доить принялся
надлежащим порядком,

Коз и овец; подоив же, под каждую
матку её он

Клал сосуна. И, окончив работу,
рукой беспощадной

Снова двоих он из нас подхватил и
по-прежнему съел их.

Тут подошёл я отважно и речь
обратил к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему
предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина,
человечьим насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоцен-
ный напиток на нашем
Был корабле; для тебя я его сохра-
нил, уповая
Милость в тебе обрести: но сви-
репствуешь ты нестерпимо.
Кто же вперёд, беспощадный, те-
бя посетит из живущих
Многих людей, о твоих незакон-
ных поступках услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, её осу-
шил он, и вкусным
Крепкий напиток ему показался;
другой попросил он
Чаши. «Налей мне, — сказал он, —
ещё и своё назови мне
Имя, чтоб мог приготовить тебе
я приличный подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскош-
ных кистей винограда
Полные лозы, и сам их Кронион
дождём оплождает;

Твой же напиток — амврозия[41]
чистая с нектаром[42] сладким».
Так он сказал, и другую я чашу ви-
ном искромётным
Налил. Ещё попросил он, и тре-
тью безумцу я подал.
Стало шуметь огневое вино в го-
лове людоеда.
Я обратился к нему с обольсти-
тельно сладкою речью:
«Славное имя моё ты, циклоп, лю-
бопытствуешь сведать,
С тем чтоб, меня угостив, и
обычный мне сделать подарок?
Я называюсь Никто: мне такое на-
звание дали
Мать и отец, и товарищи так все
меня величают».
С злобной насмешкою мне отве-
чал людоед зверонравный:
«Знай же, Никто мой любезный,
что будешь ты самый

последний

Съеден, когда я разделаюсь с про-
чими; вот мой подарок».
Тут повалился он навзничь, со-
всем опьянелый; и набок

Свисла могучая шея и всепобеж-
дающей силой
Сон овладел им; вино и куски че-
ловечьего мяса
Выбросил он из разинутой пасти,
не в меру напившись.
Кол свой достав, мы его остриём
на огонь положили;
Тотчас зардел он; тогда я, това-
рищей выбранных кликнув,
Их ободрил, чтоб со мною реши-
тельны были в опасном
Деле. Уже начинал положённый
на уголья кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хо-
тя и сырой был; поспешно
Вынул его из огня я; товарищи
смело с обеих
Стали боков — божество в них,
конечно, вложило отважность;
Кол обхватили они и его остриём
раскалённым
Втиснули спящему в глаз...
Дико завыл людоед — застонала
от воя пещера.
В страхе мы кинулись прочь; с
несказанной свирепостью вырвав
Кол из пронзённого глаза, обли-

тый кипучею кровью,
Сильной рукой от себя он его от-
швырнул; в исступленьи
Начал он криком циклопов сзы-
вать, обитавших в глубоких
Гротах окрест и на горных, лобза-
емых ветром вершинах.
Громкие вопли услышав, отсюда
сбежались циклопы;
Вход обступили пещеры они и
спросили: «Зачем ты
Созвал нас всех, Полифем? Что
случилось? На что ты
Сладкий наш сон и спокойствие
ночи божественной прервал?
Коз ли твоих и баранов кто дерз-
ко похитил? Иль сам ты
Гибнешь? Но кто же тебя здесь
обманом иль силою губит?»
Им отвечал он из тёмной пещеры
отчаянно диким
Рёвом: «Никто! Но своей я оплош-
ностью гибну; Никто бы
Силой не мог повредить мне». В
сердцах закричали циклопы:
«Если никто, для чего же один
так ревёшь ты? Но если
Болен, то воля на это Зевеса, её не

избегнешь.

В помощь отца своего призови Посидона-владыку».

Так говорили они удаляясь. Во мне же смеялось

Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.

Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив руками

Стены, циклоп отодвинул от входа скалу, перед нею

Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что в стаде,

Мимо его проходящем, нас всех переловит; конечно,

Думал свирепый глупец, что и я был, как он, без рассудка.

Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал средство,

Как бы себя и товарищей бодрых избавить от верной

Гибели; многие хитрости, разные способы тщетно

Мыслям моим представлялись, а бедствие было уж близко.

Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне показалось:

Были бараны большие, покрытые

длинною шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно
их, как шёлк, волновалось.
Я потихоньку сплетёнными креп-
кими лыками, вырвав
Их из рогожи, служившей постеле-
лю злому циклопу,
По три барана связал; человек
был подвязан под каждым
Средним, другими двумя по бокам
защищённый; на каждом
Трёх был один из товарищей на-
ших; а сам я?.. Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью
был в стаде баран; обхвативши
Мягкую спину его, я повис на ру-
ках под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно
густое впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней
терпеливо держался.
С трепетом сердца мы ждали яв-
ленья божественной Эос.
Встала из мрака младая с пер-
стами пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и
козлы и бараны;
Матки ж, ещё не доённые, жалко

блеяли в закутах,
Брызжа из длинных сосцов моло-
ком; господин их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробе-
гающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был
угадать неспособен,
Что у иных под волнистой скры-
валося грудью; последний
Шёл мой баран; и медлительным
шагом он шёл, отягчённый
Длинною шерстью и мной, раз-
мышлявшим в то время о мно-
гом.

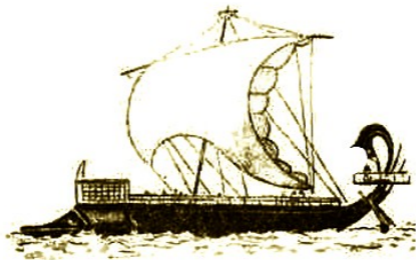
Спину ощупав его, с ним циклоп
разговаривать начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец?
Зачем же пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и
медлителен не был.

Первый всегда, величаво ступая,
на луг выходил ты
Сладкоцветущей травкою питать-
ся; ты в полдень к потоку
Первый бежал; и у всех впереди
возвращался в — пещеру
Вечером: Ныне ж идёшь ты по-
следний; знать, чувствуешь

сам ты,
Бедный, что око моё за тобой уж
не смотрит; лишён я
Светлого зренья гнусным бродя-
гою; здесь он вином мне
Ум отуманил; его называют Ни-
кто; но ещё он
Власти моей не избегнул! Когда
бы, мой друг, говорить ты
Мог, ты сказал бы, где спрятался
враг ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрыз-
гал бы мозг по пещере,
Оземь ударив его и на части раз-
дёрнув; отомстил бы
Я за обиду, какую Никто, злоко-
варный разбойник,
Здесь мне нанёс». Так сказав, он
барана пустил на свободу.
Я ж, недалёко от входа пещеры и
внешней ограды
Первый став на ноги, путников
всех отвязал и немедля
С ними всё стадо козлов тонконо-
гих и жирных баранов
Собрал; обходами многими их мы
погнали на взморье

К нашему судну. И сладко товарищам
было нас встретить,
Гибели верной избегших; хотели о
милых погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами,
чтоб плач удержали,
Стадо козлов и баранов взвести
на корабль наш немедля
Я повелел: отойти мне от берега
в море хотелось.
Люди мои собралися и, севши на
лавках у вёсел,
Разом могучими вёслами вспени-
ли тёмные волны...
Далее поплыли мы в сокрушенье
великом о милых
Мёртвых, но радуясь в сердце, что
сами спаслися от смерти.

Примечания

1

Саарское Село — старинное название Царского Села; теперь город Пушкин.

[^^^]

2

Фимиам (греч.) — благоухание.

[^^^]

Зефир — лёгкий ветер.

[^^^]

4

Борей — северный ветер. У древних греков Борей — бог северо-восточного ветра.

[^^^]

Чертог — дворец.

[^^^]

Перлы — жемчуга.

[^^^]

Перун — бог грома и молний у древних славян.

[^^^]

Двор — здесь: придворные, служащие во дворце.

[^^^]

Камергер — почётное звание, которое давалось некоторым придворным дворянам.

[^^^]

Бирюч, или *глашатай*. — В старину так назывался человек, громким голосом объявлявший на улицах и площадях распоряжения правительства.

[^^^]

Статский — не военный, гражданский служащий.

[^^^]

Гайдук — слуга. В гайдуки брали очень высоких людей. Одеты в нарядную одежду — ливрею, они обычно стояли на запятках кареты, в которой ехал их хозяин.

[^^^]

Съезжая — место при полицейском управлении, где наказывали розгами простой народ.

[^^^]

Басоны — тесьма, которой для украшения обшивалась одежда слуг в барских домах.

[^^^]

Герб — щит, на котором изображались знаки, присвоенные государству, городу или отдельному дворянскому роду.

[^^^]

Комплимент — любезность, льстивая похвала.

[^^^]

Статс-дама, фрейлина — придворные звания, которые давались знатым женщинам, приближённым цариц и королев.

[^^^]

Хорунжий — воин, который носил знамя полка, хоругвь.

[^^^]

Ланиты — щёки.

[^^^]

Чело — лоб.

[^^^]

Снурок — шнурок.

[^^^]

Маркиз — почётное дворянское звание, титул.

[^^^]

Попросил аудиенции — то есть попросил принять его.

[^^^]

Табельные дни — праздничные дни.

[^^^]

Сплин — хандра, мрачное настроение.

[^^^]

Ветчиння (ветчинница) — заведение, где коптят окорока.

[^^^]

Тенёта — сеть для ловли зверей.

[^^^]

Козни строить — замышлять против кого-нибудь втайне зло, делать зло.

[^^^]

Лазутчики — разведчики, проникающие в тыл врага.

[^^^]

Бессмертные. — Бессмертными греки называли своих богов.

[^^^]

Кронион — один из богов у древних греков.

[^^^]

Селена — богиня луны у древних греков.

[^^^]

Эос — богиня утренней зари. «Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос» — то есть появилась утренняя заря, начался рассвет.

[^^^]

Нимфы — богини леса, рек, моря у древних греков.

[^^^]

Зевс-эгидодержавец — могущественнейший из богов древних греков.

[^^^]

Киконы — жители Фракии.

[^^^]

Ахейцы — греки.

[^^^]

Посидон, или *Посейдон*, — бог моря у древних греков.

[^^^]

Паллада, или *Афина Паллада*, — богиня войны и науки у древних греков.

[^^^]

Локоть — греческая мера длины; равна длине локтевой кости.

[^^^]

Амврозия, или *амброзия*, — по верованиям древних греков, пища богов, дающая им бессмертие.

[^^^]

Нектар — по верованиям древних греков, чудесный напиток богов, дающий им бессмертие.

[^^^]